

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

А. О. Тындик

Демографическая повестка
современной России:
структура
и воспроизводство
населения

| Издательский дом ДЕЛО |

МОСКВА | 2015

УДК 314
ББК 60.7
Т93

Тындик, А. О.
Т93 Демографическая повестка современной России: структура и воспроизводство населения / А.О. Тындик. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 96 с. – (Научные доклады: социальная политика).

ISBN 978-5-7749-1033-5

В настоящем издании кратко обрисована современная демографическая ситуация в России. Фокус внимания сосредоточен на тенденциях рождаемости и репродуктивного поведения населения. Работа опирается на статистические данные, а также на количественные и качественные социологические исследования Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.

УДК 314
ББК 60.7

ISBN 978-5-7749-1033-5

© ФГОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2015

Оглавление

Введение	5
1. Новые глобальные векторы естественного движения населения.	8
1.1. Влияние демографических изменений на социальное развитие	11
1.2. Возрастная структура населения России и ее перспективы.	15
2. Рождаемость и репродуктивное поведение населения России.	20
2.1. Рождаемость и ее измерение.	20
2.2. Откладывание деторождения в России и мире	24
2.3. Феномен бездетности	33
2.4. О чем говорят репродуктивные установки	41
3. Новейший этап демографической политики	50
3.1. Услуги по уходу и воспитанию детей как мера демографической политики	51
3.2. Возможности влияния на календарь рождений	60
3.3. Современная демографическая политика в России.	65
3.4. Изменение рождаемости в контексте демографической политики	70
3.5. Новейшие меры поддержки и результаты фокус-группового исследования.	75
Заключение	85
Список источников	89

Введение¹

Сегодня практически все развитые страны мира пытаются найти ответ на новые вызовы, которые стоят перед социальными системами. Большинство из этих социальных систем сложились в периоды принципиально иных демографических, экономических, социальных и политических реалий. Тогда продолжительность жизни человека была относительно невелика, в населении доминировали молодые и средневозрастные когорты, значительной (иногда преобладающей) была доля сельского населения. Сегодня на фоне тенденции к интенсивному старению населения, а также ярко выраженных урбанистических трендов ситуация коренным образом изменилась. Вопрос о том, как справиться с постоянно растущей социальной нагрузкой в настоящее время и в будущем, стоит на повестке дня во всем развитом мире. Для успешного решения этого вопроса необходимо глубокое понимание современных тенденций воспроизводства населения и их последствий.

Первая глава настоящей брошюры посвящена глобальным тенденциям. Демографическая модернизация развитых стран в последние де-

¹ Автор выражает глубокую благодарность за консультации и творческие обсуждения Т. М. Малевой, И. Е. Калабихиной, С. В. Захарову, С. С. Бирюковой, О. В. Синявской, А. А. Ипатовой, Е. С. Митрофановой и другим экспертам из РАНХиГС, МГУ и НИУ ВШЭ.

сятилетия заключалась в снижении числа детей в семьях и увеличении продолжительности жизни мужчин и женщин. Уровни рождаемости и смертности непосредственно определяют численность и возрастно-половую структуру населения. Они не меняются одномоментно, и демографическое развитие сегодняшнего дня как никакое другое зависит от дня вчерашнего. Структура населения в свою очередь отражает его репродуктивный и трудовой потенциал, спрос на социальное обеспечение и услуги здравоохранения. От состава населения младших возрастов зависит уровень замещения поколений работающего населения. В настоящее время соотношение численности населения трудоспособного и нетрудоспособного возрастов падает, это требует все большей производительности труда занятых в экономике вследствие увеличения нагрузки на социальные системы.

Вторая глава раскрывает изменения, происходящие в сфере рождаемости и репродуктивного поведения населения. На фоне стабилизации показателей рождаемости на уровне ниже простого воспроизводства населения ключевой тенденцией последних лет выступает быстрое постарение материнства. Повышение возраста матерей при рождении первенцев происходит в русле перестройки всего календаря жизненных событий. В итоге, трансформация жизненного пути индивида оказывает не менее значительное влияние на социально-экономическое развитие государств, чем более заметные демографические процессы. Репродуктивные установки населения и полнота их реализации выступают концептуальными основаниями проведения политики стимулирования рождаемости, поэтому проблемам их измерения в работе уделено отдельное внимание.

Третья глава описывает современную демографическую политику в ее узком смысле — как воздействие на естественное воспроизводство населения, в первую очередь на рождаемость. Краткий теоретический обзор актуальных мер сфокусирован на услугах по уходу за детьми и их воспитанию. Оценки влияния нового этапа демографической политики в России представляют традиционный исследовательский интерес, затронуты они и здесь.

Анализ базируется на данных Федерального агентства государственной статистики Российской Федерации (Росстата), ООН и на международных базах данных, результатах количественных и качественных социологических исследований.

1. Новые глобальные векторы естественного движения населения

В демографическом смысле развитый и развивающийся мир отличается тем, на какой ступени демографического перехода он находится. В то время как одни страны все еще переживают бурный рост своего населения, другие уже столкнулись с его сокращением и старением. Некоторые государства, например Китай, страдают одновременно и от перенаселения и от сверхнизкой рождаемости. Ожидается, что к концу XXI в. рост численности населения Земли прекратится, и абсолютно все страны завершат переход к режимам низкой смертности и низкой рождаемости [Sanderson, Lutz, Scherbov, 2013]. Для понимания глобальных перспектив необходимо отслеживать демографические тренды не только в развитом, но и в развивающемся мире. В связи с ростом численности населения последнего его вес в мировом масштабе ближайшие десятилетия будет расти.

Даже наименее развитые страны уже вступили в первую фазу демографического перехода, это произошло в конце XX в. На рис. 1 представлены средние показатели рождаемости по пяти группам из 189 стран за последние 50 лет. К демографически отсталым было отнесено 20 стран,

чей коэффициент суммарной рождаемости на 2012 г. все еще превышал пять детей в расчете на одну женщину. Это такие страны, как Афганистан, Конго, Уганда, Нигер и др. В совокупности они составляют 7,9% мирового населения на сегодняшний день (из них 2,5% приходится на Нигерию). Снижение рождаемости в этой группе стран только начинается.

Вторая группа стран охватывает государства, в которых переходный период в режиме воспроизводства населения был наиболее коротким и резким. Они начинали с 6,5 детей на одну женщину в 1960 г. и достигли уровня простого воспроизводства (2,1 ребенка) к 2012 г. К этой группе относятся 67 стран из разных регионов мира: Южной Америки (Перу, Бразилия, Мексика, Венесуэла и др.), Азии (Китай, Индия, Иран и др.) и Африки (ЮАР, Египет и др.).

Третья группа стран — это те, которые подошли к 1960 г. со сверхвысокой рождаемостью (более 6,5 детей на одну женщину), но сильно продвинулись на пути ее снижения. Фактически они следуют по пути второй группы, но вступили на него позже, и к 2012 г. средний уровень рождаемости в них сократился до четырех детей на одну женщину. Эта группа охватывает 44 страны, в том числе многие из африканских государств (Эфиопия, Гана, Кения и др.), государства Центральной Америки (Гватемала, Гондурас), Тихоокеанского региона (Гаити, Соломоновы острова). Можно ожидать дальнейшего быстрого понижения рождаемости в этой группе стран.

В четвертую группу вошли страны с постепенным сокращением коэффициента суммарной рождаемости с четырех до двух детей на одну женщину в период с 1960 по 2012 г. Это 28 стран мира, в том числе США, Аргентина, Исландия, Австралия, Казахстан и др. Наконец, пятая группа представляет собой демографически развитые страны, которые уже к 1960 г. подходили с относительно низким уровнем рождаемости. Во второй половине XX в. изменения в рождаемости этих, преимущественно европейских, стран в среднем следовали следующей схеме: послевоенный бэби-бум до середины 1960-х гг., медленное снижение коэффициента суммарной рождаемости до уровня ниже простого воспроизводства к началу 1990-х гг., более интенсивное его падение в течение

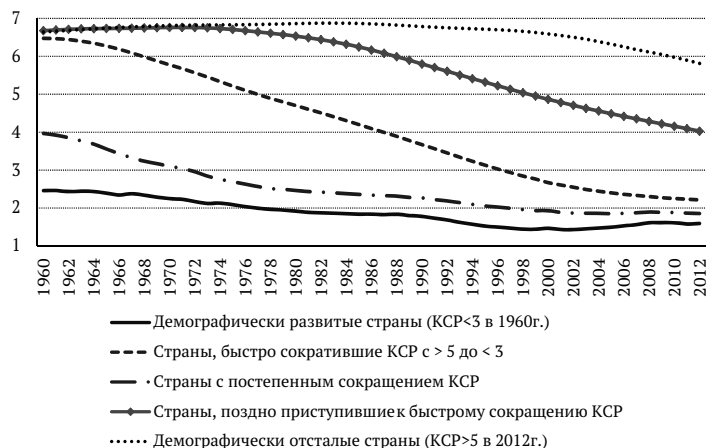

Рис. 1. Коэффициент суммарной рождаемости, средние по укрупненным группам стран, 1960–2012 гг.

Источник: Расчеты автора по данным Всемирного банка.

следующего десятилетия и постепенное восстановление после 2000 г. Россия также входит в состав стран пятой группы.

Глобальные трансформации режима воспроизводства населения касаются не только снижения уровня рождаемости, но и последующего изменения календаря рождений в жизни женщины. Как будет показано ниже, этот сдвиг значит для социального развития ничуть не меньше. К настоящему времени в странах Западной и Северной Европы возраст начала деторождения вплотную приближается к 30 годам. В среднем его рост начался с 1960-х гг., когда средний возраст рождения первенца едва превышал 20 лет. Вслед за Европой постарение материнства охватывает США и отдельные страны Азии. Как и в случае с уровнем рождаемости, в авангарде трансформации стоят наиболее образованные и обеспеченные слои населения.

Во многом данная тенденция связана с трансформацией брачно-семейных отношений — распространением практики «пробных» союзов и более поздним вступлением в брак (зарегистрированный или нет). Откладывание деторождения на-

блюдается и в стабильных союзах, оно отражает стремление партнеров реализовать себя на рынке труда, выйти на желаемый уровень заработка и только потом заводить детей. Постарение материнства считается ключевым маркером так называемого второго демографического перехода. Само по себе оно не ведет к снижению итогового числа рождений в поколении или к высокой доле бездетности. Есть примеры стран, в которых, несмотря на высокий возраст матери при первом рождении, бездетность остается низкой (например Португалия), а коэффициент суммарной рождаемости — высоким (например Ирландия). Тем не менее к негативным последствиям откладывания относят рост числа бесплодных пар и рост доли новорожденных с отклонениями в здоровье. Все это ставит новые вызовы перед системой здравоохранения развитых стран.

1.1. ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Когда изменения в режиме воспроизводства населения происходят быстро, они оказывают влияние на возрастную структуру населения. Большинство развитых стран, и Россия не исключение, в настоящее время переживают ее изменения. Многочисленная когорта послевоенного бэби-бума стареет и начинает выходить с рынка труда. Поколения, приходящие им на смену, не восполняют численность родительских поколений. Вот уже полвека рождаемость в развитых странах находится на уровне не выше простого воспроизводства населения, а порой и значительно ниже. Сжатую численности занятых на рынке труда препятствует сдвиг границ трудоспособности, рост продолжительности здоровой жизни позволяет оставаться все дольше в составе рабочей силы. Многие развитые страны стоят перед необходимостью реформировать сложившиеся режимы благосостояния в связи с тем, что рост доли пожилых не позволит поддерживать прежний уровень расходов на их поддержку. По прогнозам Всемирной организации здравоохранения (2012 г.), в Европе доля лиц старше 65 лет возрастет с 14 % в 2010 г. до 25 % к 2050 г. Это означает, что она станет

равной доле населения наиболее активных трудоспособных возрастов.

К необходимости нового перераспределения ресурсов между поколениями ведет не только изменение демографической структуры общества, но и сдвиги в календаре демографических событий в жизни индивидов, в их постепенном смещении к старшим возрастам. Молодые поколения дольше учатся по сравнению со своими родителями, они позже находят стабильную работу и еще позже обзаводятся семьей. На их жизненном пути стало возможным выделить новый отрезок взросления между юностью и зрелостью (в терминологии Д. Арнетта «emerging adulthood» [Arnett, 2000]). В это время молодые люди занимаются «поисками себя», не принимая ключевых жизненных решений и, как правило, продолжая находиться на иждивении родителей или государства (получая, например, стипендии).

Как было отмечено ранее, наиболее ярко тренд откладывания взросления проявляет себя в рождаемости. Одна из сопутствующих угроз заключается в нарушении традиционных потоков индивидуальных трансфертов между поколениями. Женщины, откладывающие деторождение, в дальнейшем сталкиваются с тем, что материальные и нематериальные трансферты со стороны родителей (своих или партнера) иссякают раньше, чем вырастают их дети. В тех странах, где продолжительность здоровой жизни растет медленно, а государственная поддержка пожилых находится на низком уровне, ситуация еще жестче. Так называемый «период сэндвича» в жизни женщины, т. е. период параллельной заботы о постаревших родителях и о маленьких детях, проходит очень напряженно.

Современное общество предполагает как минимум два периода экономической зависимости в жизни человека — в ее начале и в ее конце. Демографические изменения последних десятилетий приводят в итоге к удлинению обоих. Если в течение детства и старости индивид потребляет больше, чем производит, то в трудоспособном возрасте он производит больше, чем потребляет (рис. 2). Конкретные возрастные профили и точки пересечения кривых потребления и дохода

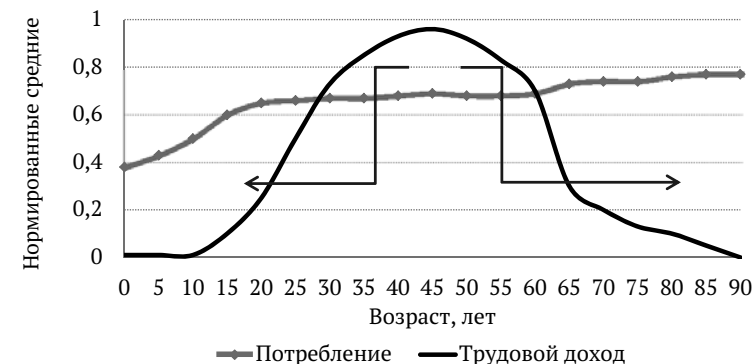

Рис. 2. Схема подушевого потребления и трудового дохода в зависимости от возраста

различаются в разных странах (см. более подробно проект NTA: <http://www.ntaccounts.org/web/nta/show>). Прежде всего они зависят от возрастов входа и выхода с рынка труда, а также от длительности принятых перерывов в трудовой деятельности (в частности, отпусков по уходу за ребенком). То, каким образом восполняется дефицит в младших и старших возрастах, зависит от институциональной среды и от того, трансферты какой формы преобладают в государстве (государственные или частные).

Перечисленные выше тенденции — изменение возрастной структуры в сторону увеличения доли пожилых, постарение календаря демографических событий — приводят к уменьшению так называемого коэффициента поддержки (отношение производителей к потребителям). Он может измеряться по-разному, чаще прочего он представляет собой отношение числа лиц в возрасте 15–64 лет ко всему населению. В более продвинутом виде он требует измерения участия в рабочей силе по возрастам с учетом рабочего времени, безработицы и продуктивности труда, а также возрастных показателей потребления.

На начальных этапах демографического перехода, когда численность детей падала, численность работающих росла быстрее, чем численность иждивенцев. В этот период

государства располагали значительными ресурсами для осуществления инвестиций в экономическое развитие и благосостояние населения. При прочих равных доход на душу населения в этот период рос быстро [Lee, Mason, 2010], а демографический дивиденд был положительным. В дальнейшем это сменилось фазой отрицательного демографического дивиденда (в европейских странах это произошло около 2010 г.). Долгосрочные изменения коэффициента поддержки поколений выходят далеко за границы более узкой проблемы поддержания системы государственных пенсий.

Многие страны ориентированы на поддержание численности своего трудоспособного населения миграцией из развивающихся стран. Однако исследования показывают, что на процессы старения населения миграция практически не влияет. В частности, были выполнены прогнозные оценки возрастной структуры населения Соединенных Штатов Америки. Они различались учитываемым уровнем миграции — первый прогноз предполагал стабильный приток на уровне 820 тыс. человек в год (с текущей возрастной структурой мигрантов), а второй держал его на нулевом уровне. При прочих равных доля лиц старше 65 лет к 2050 г. составила 20 % по первому прогнозу и 22 % — по второму [Uhlenberg, 2013].

Большинство исследований говорит о негативном влиянии старения населения на экономическое и социальное развитие государств, однако многое зависит от конкретных условий. Среди прочих К. Преттнер и С. Лии указывают, что вопреки расхожему мнению люди пожилого возраста чаще прочих являются сберегателями. Рост доли пожилых приведет к увеличению сбережений, а значит, и к дополнительным возможностям инвестирования, цит. по: [Nagarajan, Teixeira, Silva, 2013]. Эффект старения населения во многом зависит от структуры экономики и от того, на какие человеческие ресурсы она предъявляет спрос. Помимо хронологического старения большую роль играет относительное старение, определяемое уровнем здоровья и когнитивных функций населения. Оно зависит от развития систем здравоохранения и образования, социального обеспечения, образа жизни населения и качества окружающей среды.

1.2. ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Социальные катаклизмы XX столетия оставили глубокий след в структуре населения России в виде так называемых демографических волн. В результате в отдельных возрастах сравнительно многочисленные поколения сменяют малочисленные, и наоборот. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. росту экономики страны способствовал демографический дивиденд, т. е. увеличение доли населения в трудоспособных возрастах при сокращении доли детей и пожилых людей. Однако с 2007 г. население в трудоспособном возрасте сокращается (несмотря на прекращение общей убыли населения), одновременно растет число пенсионеров и детей. В ближайшее десятилетие Россию ожидает сокращение населения в молодых репродуктивно активных возрастах, что приведет к сокращению числа родившихся даже в условиях дальнейшего увеличения показателей интенсивности деторождения.

Население России продолжает стареть, его средний возраст увеличился с 34,7 года в 1989 г. до 37,7 года в 2002 г. и до 39 лет в 2010 г. Доля лиц в возрасте старше трудоспособного увеличилась с 18,5 % в 1989 г. до 20,5 % в 2002 г. и 22,2 % в 2010 г. И эта доля будет повышаться. Дальнейшее увеличение ожидаемой продолжительности жизни в России только ускорит этот процесс и актуализирует вопрос повышения пенсионного возраста.

Долгосрочные демографические прогнозы выполняются многими статистическими институтами, ключевые из которых — это Федеральная служба государственной статистики (Росстат) и Отдел народонаселения ООН. Рассмотрим основные прогнозы численности и структуры населения России до 2050 г., взяв за основу их средние варианты¹. На рис. 3 представлен прогноз Росстата до 2050 г. (расчеты на 2013 г., без Крымского ФО), представленный по укрупненным возрастным группам. Он предполагает плавный рост рождаемо-

¹ Прогноз Института демографии НИУ ВШЭ см. в: [Население России 2012, 2014].

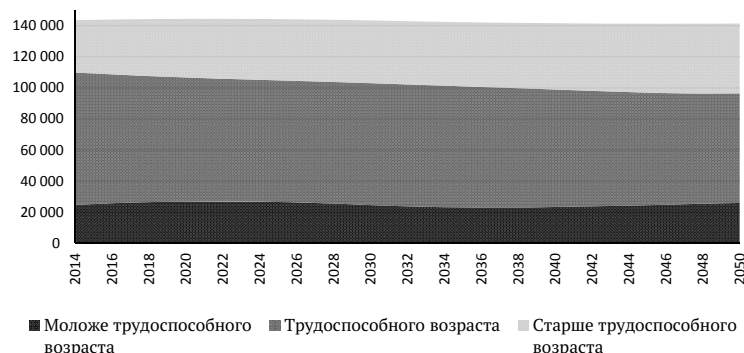

Рис. 3. Прогнозная численность населения России по Росстату, тыс. человек

сти до 1,85 ребенка в расчете на одну женщину и постепенный рост продолжительности жизни (мужчин до 72,8 года, женщин до 81,6 года). В среднем варианте прогноза Росстата наблюдается постепенное ухудшение демографической ситуации. Общая численность населения сократится незначительно (на 2,3 млн человек, т. е. до 141,5 млн). При этом естественная убыль будет нарастать до 2031 г., достигнет 620 тыс. человек в год, после чего постепенно сократится до 330 тыс. человек в год к 2050 г. Ежегодный миграционный прирост прогнозируется на уровне 380 тыс. человек в среднем за период. Численность населения трудоспособного возраста при его неизменных границах сократится на 14,5 млн человек, а численность пенсионеров увеличится на 11,2 млн человек. Коэффициент поддержки, рассчитанный как отношение числа трудоспособных ко всему населению, упадет на 10 п. п. — с 59,3 до 49,9%.

Прогноз народонаселения ООН (раунда 2012 г., без Крымского ФО¹) довольно сильно отличается от прогноза Росстата. Различия касаются прогнозируемой численности всего населения — согласно ООН, она значительно снизится и достигнет 121 млн человек. Рост продолжительности жизни

¹ На момент написания данного текста результаты раунда 2014 г. не были доступны.

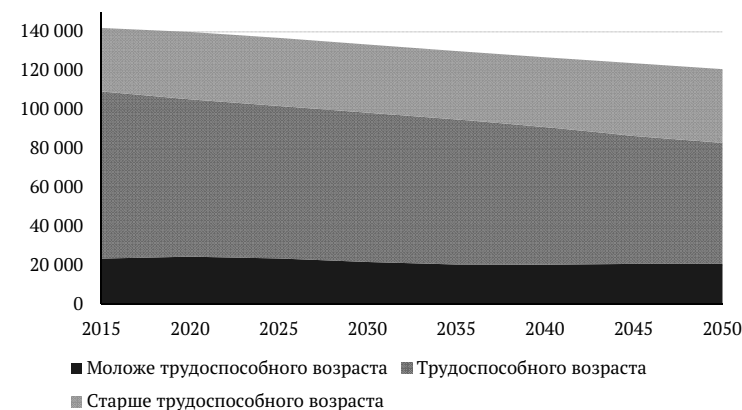

Рис. 4. Прогнозная численность населения России по отделу народонаселения ООН, тыс. человек

ПРИМЕЧАНИЕ: Здесь нижняя граница трудоспособного населения проходит по 15, а не по 16 годам.

ни закладывается более умеренный — до 66,6 лет у мужчин и до 78,2 лет у женщин к 2050 г. Прогноз уровня рождаемости практически совпадает с оценками Росстата — до 1,81 ребенка на женщину. Миграционный прирост в соответствии с общим концептуальным подходом ООН¹ постепенно снижается и к 2050 г. достигнет значения в 90 тыс. человек. Это значительно ниже по сравнению с оценками Росстата, другими словами, ключевая разница между двумя вариантами прогноза лежит не столько в оценках естественного прироста/убыли, сколько в миграционных оценках.

Несмотря на значительную разницу в абсолютных величинах, прогнозы относительно структуры населения больше похожи друг на друга. Согласно ООН, численность пенсионеров в России растет на 5,3 млн человек, а численность трудоспособных сокращается на 23,7 млн человек. Коэффициент поддержки, рассчитанный как отношение числа трудоспособных ко всему населению, падает до 51,5%. Таким обра-

¹ http://esa.un.org/unpd/wpp/Documentation/pdf/WPP2012_Methodology.pdf

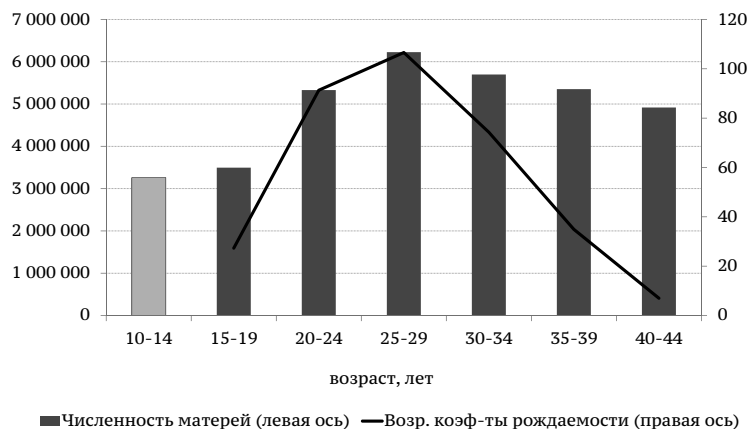

Рис. 5. Численность матерей и интенсивность деторождения в разрезе возрастных групп, человек (2012 г.)

Источник: Оперативная информация Росстата.

зом, различия в сценариях демографических процессов, даже с учетом высокой разницы в оценках миграционного прироста, оказываются незначимыми с точки зрения их влияния на возрастной состав населения. Доля пожилых к 2050 г. оценивается Росстатом в 31,8 %, а отделом народонаселения ООН — в 31,4 %.

Оба прогноза предсказывают сокращение численности населения экономически активных возрастов. В его составе уменьшится доля молодых возрастов и увеличится вес старшего поколения. Сейчас Россия отличается низким и спрессованным в рамках когорты возрастом выхода с рынка труда, поэтому процессы старения населения будут отражаться на социальном развитии довольно сильно.

Режим воспроизводства населения и перспективы в отношении структуры населения определяются уровнем рождаемости. Численность рожденных в каждом календарном году зависит от интенсивности деторождения и от численности когорт матерей. Ближайшие десятилетия рождаемость будет обеспечиваться преимущественно теми, кто сейчас находится в возрасте 10–29 лет. На рис. 5 видно рез-

кое сокращение численности поколений матерей: численность девочек 15–19 лет составляет лишь 56 % от численности женщин 25–29 лет.

При сохраняющейся интенсивности деторождения снижение абсолютного числа рождений в предстоящие годы неизбежно. Впрочем, поначалу оно будет не столь заметно благодаря постепенному смещению пика репродуктивности к старшим возрастам, в которых будут находиться многочисленные поколения. Эта и другие трансформации рождаемости в России более подробно рассматриваются в следующей главе.

2. Рождаемость и репродуктивное поведение населения России

2.1. Рождаемость и ее измерение

Под рождаемостью в демографии понимается процесс деторождения в некоторой совокупности людей, составляющих поколение или группу поколений, на определенной территории (в стране или регионе). Когда говорят о повышении или понижении рождаемости, фактически речь идет о динамике одного или нескольких ее показателей. Все они имеют свои преимущества и недостатки, и выбор показателя рождаемости должен определяться аналитическими целями. Например, для оценки численности поколения детей, которые будут претендовать на места в детских дошкольных учреждениях, стоит использовать показатель общего числа рождений. Он же подходит для прогнозирования возрастной структуры населения, но не годится для оценки интенсивности деторождения.

Чаще прочего для измерения уровня рождаемости используется коэффициент суммарной рождаемости (КСР) условного поколения. В отличие от общего коэффициента рождаемости (числа родившихся в расчете на 1000 человек насе-

ления), он не подвержен влиянию численности поколения матерей, однако имеет ряд недостатков. Они связаны с самой концепцией *условного поколения*, под которым понимается совокупность людей, на протяжении жизни которой интенсивность демографических процессов в каждом возрасте соответствует существующей в данный календарный период (определение по Г. А. Бондарской). Очевидно, что как только календарь событий в жизни нового поколения меняется по сравнению с предыдущим, этот показатель теряет свою достоверность. Именно эти процессы происходят последние десятилетия во многих странах мира, и оттого КСР значительно и систематически расходится с когортным показателем итоговой рождаемости [Соботка, Лутц, 2011]. В одни периоды он может занижать уровень рождаемости (при массовом повышении возраста материнства), в другие — завышать. Последнее возможно при сокращении интервалов между рожденьями, например, вследствие краткосрочных стимулирующих мер.

Широко применяемым способом коррекции КСР является так называемая поправка Бонгаартса–Фини («tempo-adjusted TFR»), которая учитывает погодные изменения среднего возраста матери при рождении ребенка каждой очередности. Однако она не учитывает ни распределение женщин по числу рожденных детей, ни длину периода после последнего рождения, которые являются определяющими характеристиками репродуктивного поведения населения. Тем не менее, в силу того что большинство стран предоставляют достаточно данных для расчета КСР с поправкой Бонгаартса–Фини, к этому показателю прибегают наиболее часто. Для России расчет этого показателя затруднен в связи с отсутствием официальных публикаций статистики рождаемости в разрезе порядка рождения¹.

¹ Как известно, с 1998 г. и вплоть до 2013 г. запись о том, каким по порядку ребенок родился у матери, была исключена из перечня обязательных сведений, собирающихся при регистрации рождения, однако часть регионов Российской Федерации продолжали ее вносить в добровольном порядке. В 2013 г. в связи с необходимостью вести мониторинг эффективности майских указов Президента РФ

Наиболее достоверный показатель рождаемости — итоговое число рождений в когорте женщин. Однако он не подходит для оценки текущих тенденций. Существует немало «профессиональных» показателей, позволяющих оценить актуальные изменения в разрезе реальных, а не условных поколений. Однако ввиду сложности их практически не используют при принятии управленческих решений. Рождаемость изучается преимущественно статистическими методами, а репродуктивное поведение — социологическими. Массовые опросы позволяют получить представление о дифференциации числа детей в семьях из разных социальных групп. Они также дают информацию об установках детности, отражающих предпочтения населения в отношении размера семьи. Последние широко используются в контексте обоснования мер демографической политики.

Российские изменения уровня рождаемости проходили в общем европейском русле, при этом в 1990-х гг. Россия ненадолго вошла в число стран со сверхнизкой рождаемостью (КСР менее 1,3 ребенка на одну женщину). К 2013 г. он восстановился до уровня в 1,7 ребенка. Нельзя отрицать, что частично это восстановление стало возможным благодаря усилению поддержки семей с детьми в период после 2006 г. Однако, как говорилось ранее, рост коэффициента суммарной рождаемости не обязательно означает увеличение итогового числа детей у женщин. Последнее все это время менялось слабо. На рис. 6 показано соотношение уровней рождаемости условных и реальных поколений в разрезе календарных лет (данные по реальным поколениям тради-

Постановлением Правительства РФ (Постановление № 1049 от 21.11.2013 г.) были утверждены Правила предоставления органами записи актов гражданского состояния сведений о государственной регистрации рождения, смерти, заключения и расторжения брака в Федеральную службу государственной статистики, в соответствии с которыми информация о порядке рождения возвращается в перечень собираемых сведений. К этому времени все регионы восстановили сбор информации. Более того, в рамках того же Постановления в перечень сведений, передаваемых органами ЗАГС в Росстат, внесены данные об образовании и занятости матери.

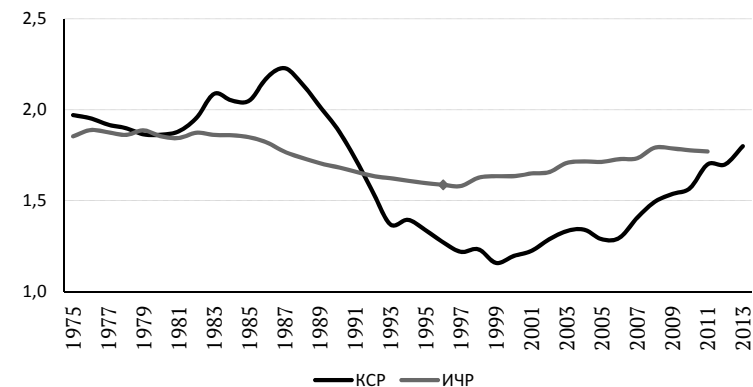

Рис. 6. Итоговая рождаемость условных и реальных поколений

Источник: Расчеты по данным The human Fertility Database Росстата.

ционно сдвинуты на 25 лет вперед — на приблизительный средний возраст деторождения; маркер обозначает точку, после которой вместо фактического итогового числа рождений используется ожидаемое число рождений, рассчитанное по числу рождений к конкретному возрасту и возрастным коэффициентам рождаемости за 2012 г.).

Одним из наиболее существенных демографических достижений России за последние десятилетия можно считать более чем четырехкратное сокращение числа аборт (с 227 до 56 абортов на 100 рождений в период с пикового 1988 по 2012 г., см.: [Денисов, Сакевич, 2014]). При этом суммарный коэффициент абортов снизился с 3,4 аборта в среднем на одну женщину репродуктивного возраста в 1991 г. до 0,97 в 2012 г. Несмотря на благоприятную динамику, уровень абортов в России по-прежнему высок как по сравнению с европейскими странами, так и по сравнению с некоторыми странами СНГ (например с Белоруссией). Тем не менее по уровню подростковых абортов Россия уже находится ниже многих западных стран. Проблемой в этой сфере может стать ужесточение законодательства в отношении аборта, предложения которого появляются довольно часто. Оно способно

вызвать резкий всплеск числа криминальных аборт и нарушить позитивную динамику уровней материнской и младенческой смертности.

В России рождаемость стареет, но по сравнению с европейскими странами она остается относительно молодой. Этот процесс значительным образом влияет на социальное и демографическое развитие, поэтому мы остановимся на нем отдельно.

2.2. Откладывание деторождения в России и мире

Показатели возрастной интенсивности наиболее точно характеризуют рождаемость условного поколения женщин. При стандартном представлении возрастного профиля применяется укрупнение до пятилетних интервалов. Разбивка на однолетние группы позволяет увидеть небольшую выемку на возрастах 22–23 года кривой первых рождений (рис. 7, 8).

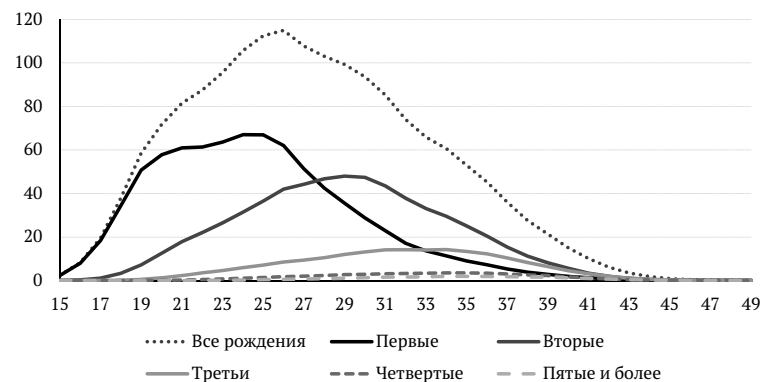

Рис. 7. Возрастные коэффициенты рождаемости, Россия, 2013 г.

Источник: Расчеты на основе неопубликованных данных Росстата¹.

¹ Здесь и далее распределение неполных записей о рождениях произведено в соответствии с методикой Е. М. Андреева [Андреев, 2012].

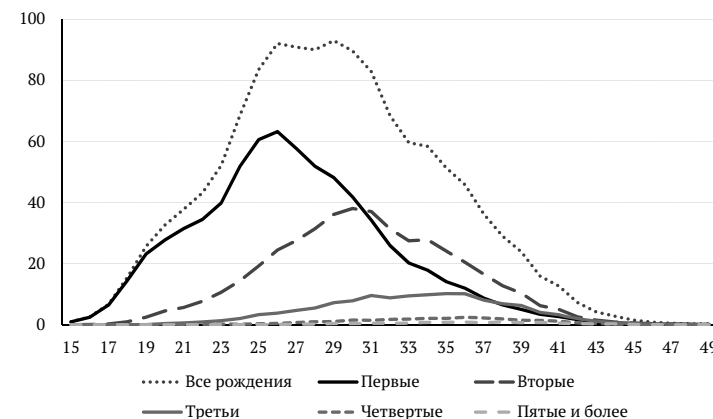

Рис. 8. Возрастные коэффициенты рождаемости, г. Москва, 2013 г.

Источник: Расчеты на основе неопубликованных данных Росстата.

Она наблюдается не впервые и отражает влияние окончания женщинами высшего образования, их выхода на рынок труда. Пик первых рождений приходится на 24 года, вторых — на 30 лет.

Город Москва представляет отдельный интерес для изучения тенденций в сфере рождаемости и уже не раз обращал на себя наше внимание [Малева, Тындик, 2014; Малева, Тындик, 2013; Tyndik, Birjukova, 2014]. Возрастной профиль рождаемости в столице значительно отличается от общероссийского. На кривой первых рождений углубление на 22–23 годах еще более заметно, пик приходится на 26 лет, и уже проявляется вторая точка роста — на 29 годах. Распределение по вторым рождениям ниже по уровню по сравнению с общероссийским, но лишь немного смещено вправо. Пик вторых рождений (выраженный ярче) также концентрируется на 30 годах.

Повышение среднего возраста рождения первого ребенка является одной из ключевых демографических тенденций в России. В настоящий момент возраст матери при рождении первого ребенка составляет в среднем 25,3 года, и ему предстоит еще подняться. В связи со спецификой сбора

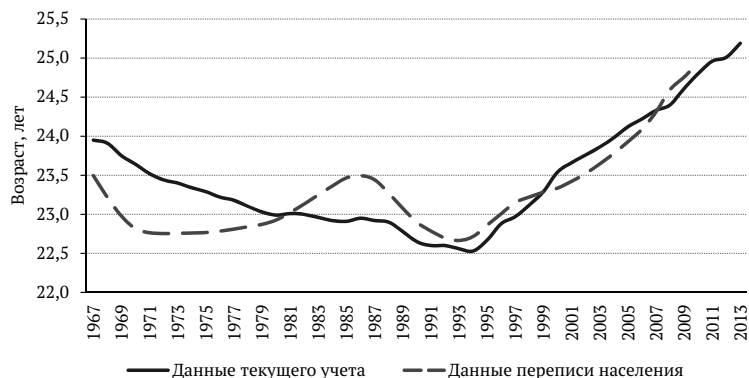

Рис. 9. Средний возраст матери при рождении первенца, лет

Источник: Расчеты на основе данных Росстата и ВПН-2010.

российской статистики оценки динамики календаря рождений отличаются особым приближением. Как отмечалось выше, полных данных текущего учета о рождениях в разрезе их порядка долгое время не было. Часть субъектов Российской Федерации (в разные годы разное число, в среднем около 70 % регионов) продолжала собирать эти сведения. На их основе показатели дооценивались, они, в частности, используются в базе данных The Human Fertility Database (методику и оценку смещений в связи с неполнотой данных см. в: [Андреев, 2012]).

Вплоть до 1970-х гг. рождаемость в СССР сдвигалась к молодым возрастам, и только затем — позже, чем в западных странах, — началось движение в противоположную сторону. Оно было ненадолго прервано во второй половине 1980-х гг. и возобновилось в 1994 г. (рис. 9). Можно сказать, что феномен откладывания деторождения стал заметен только с середины 1990-х гг. и коснулся всех поколений женщин, родившихся после 1965 г. Несмотря на то что текущие данные не позволяют в полной мере оценить темпы откладывания деторождения у тех, кто еще не завершил свой репродуктивный период, говорить об их замедлении пока не приходится. Этот процесс, охвативший поначалу

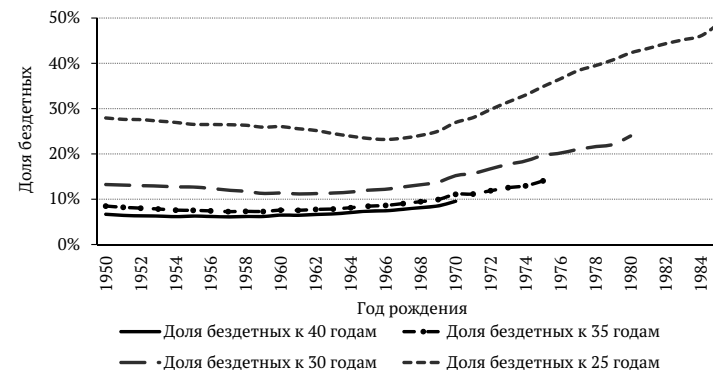

Рис. 10. Доля бездетных к 25, 30, 35 и 40 годам, %

Источник: Расчеты на основе данных ВПН-2010.

население крупнейших городов, получает повсеместное распространение.

Оценить масштабы отсрочки деторождения среди молодых женщин можно с помощью показателя доли бездетных к конкретному возрасту (рис. 10). Если среди женщин, рожденных в 1966 г., к 25 годам только 23 % не имели детей, то среди рожденных в 1985 г. — почти половина. Более того, в когорте 1980 года рождения (последней, по которой есть соответствующие данные) уже четверть российских женщин отложила рождение первенца за тридцатилетний рубеж.

Процесс постарения рождаемости касается всех развитых стран, и многие из них продвинулись по этому пути гораздо дальше России (рис. 11). В некоторых странах (Швейцария, Италия и др.) средний возраст женщины при перворождении вплотную приблизился к 30 годам, в Греции он достиг 31 года, и нет гарантии того, что он не продолжит расти.

Откладывание деторождения — ключевой маркер модернизации демографического поведения населения, которая в свою очередь является частью модернизации всего общества. Какие глубинные процессы лежат в основе этого феномена? На теоретическом уровне постарение рождаемости связывается со многими факторами. Первый из них — это переход к регулируемой рождаемости и распространение

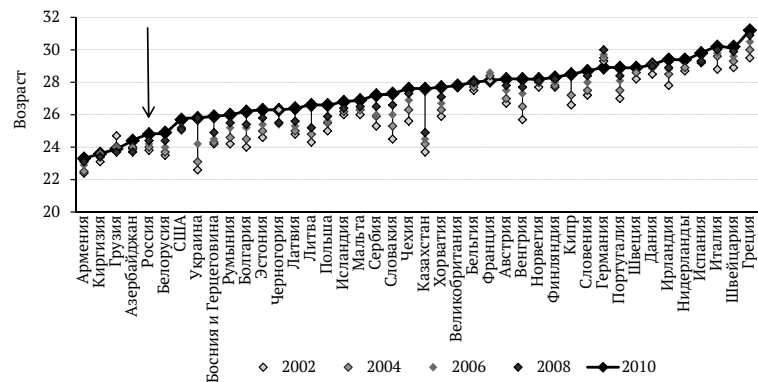

Рис. 11. Средний возраст матери при рождении первенца в разных странах, лет

Источник: UNECE database.

высокоэффективных средств контрацепции. Если ранее вопрос состоял в том, применять контрацепцию или нет, то в современном обществе он заключается в том, когда прекратить это делать [Lesthaeghe, 2010]. Другими словами, деторождение перешло из плоскости событий, «происходящих с индивидом», в плоскость принятия решений. И как видно из материалов качественного социологического обследования, необходимость принимать решение нередко вызывает дискомфорт у женщин. Он в свою очередь приводит к проблеме «перманентного откладывания», и в итоге — к бездетности.

Второй фактор заключается в многочисленных трансформациях в сфере семьи и брака [Sobotka, Toulemon, 2008]. Первые партнерские союзы стали носить пробный (и нерегистрируемый) характер, а поиск партнера, «подходящего» для формирования семьи и рождения детей, затягивается. По мере того как семейный союз утрачивал свою социально-экономическую роль, к нему возрастали требования психологического характера. Они усугубились так называемым гендерным неравенством на уровне семьи — когда отказ от традиционного

распределения ролей уже произошел, а эгалитарные отношения еще не приняты. Распад партнерства почти перестал нести социальные штрафы, что привело к росту числа разводов.

Третий фактор — это растягивание периода взросления, и прежде всего речь идет об удлинении периода образования от поколения к поколению. Получение образования и накопление человеческого капитала можно отнести к фундаментальным ценностям современного общества. Его роль сложно переоценить как на уровне отдельного человека, так и для экономического развития государства в целом. Однако длительный процесс обучения приводит к более позднему выходу на рынок труда [Jacob, Weiss, 2010]. В связке с возросшей экономической неопределенностью в молодых возрастах (отсутствие гарантий трудоустройства, низкая отдача от образования в первые годы, характерные для России структурные проблемы связки «образование — рынок труда») это затягивает период обретения экономической независимости. Идеальным жизненным путем многих женщин становится модель «образование — выход на рынок труда и закрепление на нем — замужество или партнерство — рождение ребенка». Нельзя исключать влияния образования и на трансформацию личных ценностей в сторону самореализации вне дома и семьи, построения карьеры. Таким образом, норма в отношении возраста первого рождения сдвигается как минимум к 25 годам, а зачастую и в более поздние возраста. В современном обществе рождение ребенка выступает лишь одним из элементов самореализации его родителей.

Время рождения первого ребенка зависит от дохода, образования, опыта и стажа. Современные женщины все чаще откладывают материнство в целях профессионального становления и развития, а также закрепления на рынке труда, пытаясь таким образом снизить карьерные риски и потери, связанные с материнством. Данные по Германии показывают, что женщины с более высоким уровнем образования и большим стажем работы чаще откладывают рождение первого ребенка [Romeu Gordo, 2009]. В ряде исследований утверждается, что женщины, поздно рожаящие первого ребенка, больше инвестируют в человеческий капитал, чем те,

кто рождает рано. Также наблюдается прямая связь с высоким уровнем дохода и откладыванием материнства [Blackburn et al., 1993; Caucutt et al., 2002].

И, наконец, четвертый фактор, который на самом деле стоит за спиной всех предыдущих, — снижение давления со стороны общества как значимого регулятора индивидуального поведения. Несмотря на то что это давление сохраняется в словесной форме, реальные рычаги воздействия оно утратило.

Таким образом, с одной стороны, находится ряд макрофакторов, действующих в сторону повышения возраста вступления в материнство и отцовство; с другой стороны, существуют объективные биологические ограничения репродуктивного возраста женщины. Интервал потенциально возможного деторождения фактически сузился с 30 лет (15–45) до 20–15 лет, причем рождаемость переместилась в менее продуктивные возраста. Помимо этого позднее деторождение более остро ставит вопрос о том, успеет ли женщина воспитать и «поднять на ноги» своего ребенка.

ВОЗРАСТ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Из материалов количественных исследований (в частности, опроса «Человек, семья, общество», проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2013 г.) мы видим, что нормы репродуктивного возраста в России остаются довольно низкими. Средний идеальный возраст рождения первенца для женщины составляет всего 23,5 года, для мужчины — 26,5 года. При этом различий между ответами респондентов старших и младших возрастов не прослеживается, несмотря на то что фактический возраст деторождения менялся от поколения к поколению. Однако среднее значение нормативного показателя слабо информативно. Вопросы о предпочтениях в отношении возраста рождения первенца неоднократно задавались в выборочных обследованиях. По данным «Национального исследования рождаемости» 1970 г., они тесно связаны с рубежами в 25 и 30

лет [Rindfuss, Vumpass, 1976]. Эти две точки в жизненном пути человека несут большой социальный смысл, нередко разделяя его на «до» и «после».

Летом 2014 г. лабораторией федеративных исследований Института социального анализа и прогнозирования была проведена серия полуструктурированных интервью, сфокусированных на теме позднего материнства или отказа от него¹. Респондентками выступали женщины от 27 лет, не имеющие детей или родившие первенца после 30 лет. Разговор об оптимальном для рождения детей возрасте отражает как минимум три его уровня — биологический, социальный (связь с другими событиями жизненного пути) и внутренний (психологический). В высказываниях респонденток они могли быть тесно связаны, а могли противоречить друг другу: *«Я считаю, что я родила детей прямо вовремя: не рано, не поздно. Считаю, вот в самый раз»* (Ася, 42, Саратов; родила в 41 первого), и далее в интервью: *«Мои дети получают хорошее образование только после того, как заведут мне внуков... Я не дам своим детям повторить свои ошибки»*.

Рождение ребенка в относительно раннем возрасте — около 20 лет — многие респондентки, несмотря на собственный опыт, считают правильным. В их восприятии тесно переплетены биологический и психологический аспекты: они сожалеют о том, что не родили ребенка тогда, когда это было «легко»: *«По молодости это все делается проще, даже ощущаешь себя проще»*; *«Не обязательно выходить замуж и рожать ребенка в 40, 30 лет, это можно сделать и по молодости, по глупости, по любви»*; *«Чтобы родители еще были здоровы, чтобы у них были силы, здоровье, эмоции положительные на ребенка»*. Одновременно с этим уже звучит социальный мотив — потребность успеть что-то до рождения ребенка, которое «связывает»: *«Все равно какая-то должна быть юность, молодость... развлечения, которые именно для молодежи. Потому что младенцы, они связывают по рукам, свободу они ограничивают. Нагуляться, наразвлекаться нужно»*. Наконец, нет

¹ Более подробно результаты данного исследования будут представлены в готовящихся публикациях А. А. Ипатовой и А. О. Тындик.

еще и необходимой внутренней зрелости: *«В 20 лет мы не готовы быть мамами, быть женами».*

Двадцатилетний возраст ассоциируется с такими конкурентными воспитанию детей сферами жизни, как развлечение, общение с друзьями и обучение: *«24, 25, 26 лет — это самый оптимальный вариант... Девчонкам все равно хочется поехать по миру, образование еще дополнительное, заняться какими-то экстремальными видами спорта».* Первая граница, вокруг которой строится представление об оптимальном возрасте деторождения, — 25 лет. К этому моменту женщина успела получить образование и закрепиться на рынке труда: *«Желательно женщине рожать, когда она получила образование и нашла работу»; «... но не такую, где, скажем, временно что-то, а постоянную, нормальную работу»; «Надо поработать немного времени... [иначе] у нее не будет возможности вырасти в профессиональном плане, ну просто потому что надо домой бежать... Поэтому сразу после института тоже нельзя».* Три последних высказывания (разных респонденток) демонстрируют, как варьируют карьерные устремления и, соответственно, требуемый промежуток времени для их достижения.

Большинство проводит некую черту для материнства на уровне 30 лет: *«До 30 рожать одно дело, а второе дело, когда уже после 30».* Однако для одних — это верхняя граница оптимального возраста, а для других — нижняя. В рассуждениях о преимуществе рождения первого ребенка после 30 лет на первый план выходит психологическая готовность женщины. Социально-экономические аспекты материнства теряют свою значимость. В стереотипах в отношении молодых и более зрелых матерей проявляется противопоставление их друг другу. Молодая мама *«сама еще ребенок», «[бабушке] кинула его, а сама на дискотеку ушла»,* при этом она *«просто общается с ребенком в дружеском стиле».* Зрелая мама *«осмысленно думает о ребенке», «больше может дать своему ребенку»; с другой стороны, «появляется эгоистичность, которая мешает».* В западных исследованиях мы также находили подтверждение этого концепта. В частности, в работе Д. Кёхнера показано, что молодые матери чаще описывают своих детей как «продолжение самих себя», а более зрелые иден-

тифицируют себя и как мать и как работающую женщину — по отдельности [Kuchner, 1993]. Таким образом, идеальный возраст рождения первенца предполагает и психологическую, и экономическую зрелость матери, но в то же время — здоровье, энергию и присущую молодости легкость.

2.3. ФЕНОМЕН БЕЗДЕТНОСТИ

До недавнего времени Россия характеризовалась низкой долей окончательно бездетных женщин и высокой долей одноклетных. В настоящий момент структура детности начинает меняться. Несмотря на то что повышение среднего возраста материнства и рост доли окончательно бездетных во многих странах происходят одновременно, говорить об их однозначной связи нельзя. Существуют примеры стран, в которых число бездетных остается очень низким несмотря на позднее формирование семей. К таким странам относится Португалия, в ней средний возраст перворождения вплотную приблизился к 30 годам, а доля окончательно бездетных держится на очень низком уровне (5–7%). То же самое можно сказать и о связи между бездетностью и итоговой рождаемостью — высокая доля бездетных не обязательно означает низкое число детей в среднем на одну женщину в стране. Много зависит от структуры детности, другими словами, от того, сколько детей родят женщины, вступившие на путь материнства. В некоторых странах бездетные «уравновешиваются» большим числом семей с двумя-тремя детьми. Например, в Англии и Уэльсе в поколении женщин 1960 года рождения доля бездетных составила 19%, а среднее число рождений в когорте — 1,9 ребенка. На рис. 12 наглядно продемонстрировано, как может различаться итоговое распределение по числу рождений. Высокая доля бездетных среди ингушского населения (18,3%) компенсируется значительной долей женщин с несколькими детьми. В результате среднее итоговое число рождений оказывается выше по сравнению с русским населением, у которого в том же поколении женщин уровень бездетности составляет всего 8%. Для России риски роста доли бездетных подкрепляются крайне высокой долей

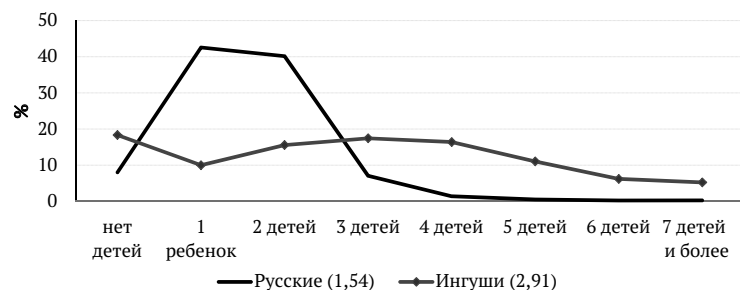

Рис. 12. Распределение по числу рожденных детей женщин в возрасте 40–44 лет (и среднее число детей)

Источник: Данные ВПН-2010.

семей с одним ребенком. Несмотря на то что репродуктивные установки населения по-прежнему говорят о привлекательности двухдетности, массовой давно стала одноплодность.

Данные последней Всероссийской переписи населения показали, что доля окончательно бездетных женщин начала расти. По России в целом в группе 35–39-летних женщин доля бездетных составляет 11,5%, аналогичная оценка по переписи в г. Москве равна уже 17,1%. К концу их репродуктивного периода эта доля вряд ли опустится ниже 10% рубежа (и 15% для Москвы), оставшись более высокой по сравнению с предыдущими поколениями. Данные табл. 1, пересчитанные с учетом численности населения России в 2010 г., говорят о том, что сегодня в стране живет почти миллион бездетных женщин на границе репродуктивного периода (35–44 года)¹.

Таблица 1. Доля бездетных женщин в разрезе возраста, %

	2010 г.		2002 г.	
	Россия	Москва	Россия	Москва
35–39 лет	11,52	17,15	7,42	10,69
40–44 лет	8,03	11,58	5,97	8,04
45–49 лет	6,55	8,96	5,83	7,84

Источник: Данные ВПН-2002 и ВПН-2010.

¹ Точнее, 599 тыс. в группе 35–39 лет и 396 тыс. в группе 40–44 года.

Москва давно отличается самой старой рождаемостью в стране. Теперь можно утверждать, что среди московского населения бездетность если не норма, но уже социально допустимая жизненная позиция. Однако вопрос о том, в какой степени эта позиция ближе к вынужденной (снижение репродуктивных установок под влиянием жизненных обстоятельств) или к действительно добровольной, остается открытым. Имеющиеся в нашем распоряжении выборочные обследования по России и отдельно по Москве дают возможность проанализировать портрет бездетных. При рассмотрении Москвы на фоне России наблюдается значимое превышение доли тех, кто в качестве желаемого числа детей называет «ноль». Московское обследование 2013 г.¹ дает оценку на уровне 17% среди респондентов репродуктивного возраста, не имеющих детей (для сравнения — в 2012 г. оно давало оценку на уровне 13%). При этом общероссийское обследование 2013 г.² аналогичный показатель оценивает в 6%, а схожее обследование 2011 г. (РиДМиЖ³) — в 8%. Таким образом, несмотря на некоторые колебания, данные оценки можно считать устойчивыми.

Регрессионный анализ показал, что при контроле прочих факторов вероятность высказывать бездетные предпочтения выше в следующих группах (более подробно в: [Тындик, Birjukova, 2014]):

- мужчины;
- родившиеся в Москве;
- не имеющие братьев или сестер;
- получившие высшее образование;
- располагающие высоким уровнем дохода;

¹ Обследование «Москва и москвичи» проведено Институтом гуманитарного развития мегаполиса, выборка около 3000 человек, репрезентативно на уровне города.

² Обследование «Человек, семья, общество» проведено Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, выборка около 9500 человек.

³ Проведено Независимым институтом социальной политики, выборка около 11 тыс. человек.

- придерживающиеся точек зрения «человек может быть по-настоящему счастливым, даже если у него нет детей» и «брак регистрировать необязательно».

Данные черты портрета добровольно бездетного респондента достаточно хорошо согласованы между собой, однако нельзя не отметить, что возраст старше 40 лет также повышает указанную вероятность. Это заставляет учитывать эффект снижения репродуктивных установок — если жизненные обстоятельства респондента сложились таким образом, что он (а) «не успел (а)» завести детей, в дальнейшем это будет объясняться собственными предпочтениями. Таким образом и происходит распространение бездетных установок на более молодые поколения через социальное окружение.

Еще один важный вывод состоит в том, что подтверждается действие так называемой «ловушки низкой рождаемости»: среди респондентов с нулевым желаемым числом детей значимо выше доля выходцев из однодетных семей. По московскому обследованию 2013 г. она составляет 62,1% против 36,7% среди остальных респондентов. Это еще раз свидетельствует в пользу того, что при нынешней структуре детности в России доля бездетных в последующих поколениях будет расти.

Общероссийское обследование ИнСАП РАНХиГС «Человек, семья, общество» 2013 г. содержит вопросы о физической неспособности иметь детей — как по самооценке (для обоих полов), так и по критерию «Случалось ли так, что имея постоянного партнера и не предохраняясь в течение года, у вас не наступала беременность?» (для женщин). Среди женщин, не имеющих детей, положительно ответили на эти вопросы 23,7%. Эта доля, очевидно, завышена в связи с тем, что часть респонденток к «предохранению» относит только современные средства контрацепции. Однако этот показатель можно считать верхней границей доли бездетных женщин с пониженной фертильностью. Общероссийский портрет бездетных отличается от московского. По России в целом значительно меньший эффект оказывают социально-экономические характеристики (число детей в родительской семье, уровень

образования и дохода), но более сильный — эффект возраста. Низкие оценки собственных возможностей иметь детей и предпочтения в отношении нулевого желаемого числа детей также сильно взаимосвязаны. Возможно, для России растущая бездетность в большей степени остается вынужденной под влиянием обстоятельств, нежели полностью добровольной.

Однако и по общероссийским данным среди респондентов с нулевым желаемым числом детей значительно выше доля тех женщин, кому близко суждение «человек может быть по-настоящему счастливым, даже если у него нет детей» (рис. 13). Примерно 45% не согласны с этим — именно эти женщины более всего нуждаются в современных репродуктивных технологиях. От всех бездетных женщин репродуктивного возраста они составляют 13,9%, и это достаточно высокая доля.

Массовые опросы населения не позволяют изучить мотивации отказа от деторождения достаточно детально. Анализ серии качественных интервью, проведенных лабораторией федеративных исследований ИнСАП РАНХиГС, позволил, прежде всего, дифференцировать группы бездетных.

В массовом сознании бездетные лица, не планирующие в ближайшем будущем рождение детей, очень часто отождествляются с так называемыми чайлдфри. В действительности это не так, чайлдфри составляют лишь незначи-

Рис. 13. Распределение суждений в отношении бездетности среди женщин, %

Источник: Данные обследования «Человек, семья, общество».

тельную часть в общем числе бездетных женщин. Движение чайлдфри основано на ряде идеологических принципов, которые значимо отличают их от остальных бездетных. В нашей серии интервью только три относятся к подобным кейсам, и мы предлагаем рассмотреть их подробнее.

Каждый из этих кейсов несет в себе множество типичных черт для представителей чайлдфри, однако между собой они имеют немало различий. Все респондентки проживают в городах (среднем, крупном и «миллионнике») и имеют постоянных партнеров. Их объединяет то, что сомнений в нежелании иметь детей у них не было никогда. Они отмечают, что с детства этот вопрос просто не стоял для них: «Я, во-первых, еще в детском саду сказала, что я рожать не буду. Тогда это выглядело как шутка, конечно. Ну а потом...», «А я всегда себя знала. У меня никогда не было вообще ни малейшего желания» (Ася, 42¹); «Переломного ничего такого не было. Я как-то всегда... Не было ощущения, что мне нужно это, не было тяги к детям... Настолько это естественно, что не приходилось особо так садиться и всерьез над этим думать»; «Я смотрела на это как на кошмар, т. е. с самого раннего возраста. Да я даже в “дочки-матери” не играла никогда» (Татьяна, 43); «Дети, они у меня никогда таких эмоций не вызывали и они мне не нравились»; «Я все детство этих кукол, которые пупсы, как они там правильно называются, я их вообще терпеть не могла» (Алена, 28).

Все женщины ведут насыщенный образ жизни. У одной это «интеллектуальные занятия»: «искусство, наука, путешествия... из доступных, конечно, — культура, театр, выставки. Что есть здесь. Если что-то интересное в Москве, я могу спокойно приехать на выходные или в любой день посмотреть то, что меня интересует» — и путешествия: «У меня всегда есть планы везде ездить» (Ася). У другой — это бесчисленные хобби: она художник по дереву, каскадер с холодным оружием, писатель, ранее психоаналитик, занимается восточными танцами и — «мне хватает, но еще йогу для поддержа-

ния, для здоровья, а так могу на велосипеде покататься, могу на горных лыжах, могу на беговых лыжах, когда время есть» (Татьяна). Алена говорит: «Мне нужно, чтобы время было для общения, для развлечений. В общем, для жизни»; свободное время она проводит довольно активно, отдавая предпочтение развлекательным занятиям: «...в этом году... осваивала сноуборд, в отпуск я езжу катаюсь, летом, допустим, когда тепло... в кафе, за город с друзьями, в кинотеатр сходить, в театр».

Респондентки признаются, что плохо контактируют с чужими детьми: «15 минут — это мой максимум» (Ася); «Мне их не подсовывают, потому что знают, что зачем. Я не умею с ними общаться, они у меня интереса не вызывают. Ну, а когда они орут, то лучше, когда они подальше где-нибудь орут» (Татьяна); «У меня не возникает желания брать его на руки, играть с ним, сюсюкаться. Интересы какого-то нет» (Алена). При этом в их речи часто встречаются характерные лексические маркеры: «[Вообще часто приходится с детьми сталкиваться?] Как выйду из квартиры, буквально каждый день. Куда ни глянь — кишат. Особенно по весне» (Ася).

Для всех респонденток рождение или нерождение ребенка — это результат свободного выбора: «...тысячелетиями выбора не было... рожать или не рожать... Это было неизбежно. И вот это было так долго, а сам выбор появился так недавно, что он еще глобально не укоренился в голове как ценность. Поэтому хотя физически это уже давно можно делать, к этому приходят не все, или в качестве временной меры — пока не буду, а потом буду. А спросить себя, а зачем тебе это надо, мало кто способен»; «...с понятия природы это неправильно [не иметь детей], а с точки зрения цивилизации это допустимо. Я сделала выбор. Мы же, люди, — не только природа» (Ася). Алена продолжает эту мысль: «...[я] пыталась просто чисто теоретически объяснить все это себе, нужно мне это или не нужно»; «...пыталась искренне в себе разобраться. А точно ли я не хочу? Я поняла то, что точно не хочу». Можно сказать, что ее выбор связан с высокой ценностью личной свободы: «И я поняла, что мне совсем в моей жизни не нужно, потому что я не хочу всего лишиться,

¹ С целью сохранения анонимности имена собственные, даты и возраста изменены.

свободы, я не хочу заниматься воспитанием. Мне не хочется время на это тратить, свои силы». Она еще раз возвращается к этой теме, говоря об общении с чужими детьми, с племянницей: «Я прекрасно себе представляю, что это такое... Вот мне настолько это неинтересно, меня настолько это утомляет, я даже в этом не вижу абсолютно никакого смысла. Поэтому я даже не знаю, что должно в жизни произойти, чтобы мое решение поменялось». В целом добровольно бездетные женщины сходятся в том, что «не всем стоит рожать, не всем стоит служить в армии, не всем нужно образование, не всем надо читать художественную литературу. Нет. Должен быть выбор обязательно» (Ася).

Как было сказано, все респондентки имеют длительные отношения (две из них в браке). Их супруги занимают нейтральную позицию: они поддерживают своих женщин, но не являются яркими противниками детей. Женщины не готовы менять свое решение, если их супруги внезапно передумают: «С мужем я в таком случае разведусь» (Алена).

Несмотря на то что в современном обществе число чайлдфри растет, эта группа остается очень узкой. Рост доли бездетных происходит не за счет чайлдфри, а за счет «неопределившихся». К числу последних относятся женщины, которые либо хотят детей, но «не сейчас» (и всегда «не сейчас»), либо не знают, хотят ли они детей, либо — и очень часто — они не хотят детей от того партнера, с которым состоят в отношениях. Их бездетность выступает следствием обстоятельств, как правило, неблагоприятных, но — не изначальных установок. Тем не менее к концу репродуктивного возраста они склонны высказывать мнение о том, что не желают заводить детей, и именно это фиксируют массовые опросы.

Таким образом, в нарастание бездетности в России вносят свой вклад два фактора. Первый из них включает в себя сумму обстоятельств, приводящих к вынужденной бездетности. Это постоянное откладывание деторождения, ухудшение репродуктивного здоровья и другие жизненные обстоятельства. Второй — сознательный отказ от рождений. По мере развития явления добровольная бездетность начинает вносить все больший вклад (рис. 14).

Рис. 14. Схема распространения бездетности

В среднем по России можно ожидать, что по окончании репродуктивного периода поколений 1970–1980 годов рождения доля бездетных среди них будет не ниже 10–12%. Этот феномен требует дополнительных исследований. Но если он достигнет более высоких пределов, это будет означать появление новой социальной нормы для определенных групп населения, а, как известно, социальную норму трудно изменить или отменить. Если говорить о возможностях политического вмешательства, прежде всего следует повышать информированность населения о репродуктивных возможностях в целом и каждого человека в частности, заинтересованность мужчин и женщин в том, чтобы после 25 лет проходить регулярные обследования на репродуктивное здоровье, что может снизить долю «перманентно откладывающих».

2.4. О ЧЕМ ГОВОРЯТ РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ

Одной из задач качественного обследования ИнСАП РАНХиГС 2014 г. стояло исследование того, как респонденты отвечают на вопрос о желаемом числе детей. Этот показатель часто используется в количественных опросах и служит для обоснования демографической политики в сфере рождаемости.

Исследования установок в отношении семьи и числа детей имеют длительную историю, вопросы об идеальном размере семьи включались в опросы населения, как минимум, с 1929 г. [Neely, 1940]. Всплеск исследований репродуктивных

установок пришелся на середину XX в. и был спровоцирован массовым распространением практик контроля рождаемости. В 1950–1960-х гг. несколько работ, посвященных репродуктивным установкам, были написаны Р. Фридманом, Н. Райдером, Ч. Уэстоффом и др. [Freedman, Baumert, Bolte, 1959; Ryder, Westoff, 1969; Westoff, Mishler, Kelly, 1957]. Уже в этих исследованиях анализировалась проблема устойчивости предпочтений и специфики ответов респондента на вопросы в разных формулировках. В дальнейших исследованиях также неоднократно отмечалась неопределенность оценок.

Нередко исследователи отмечали и проблемы измеримости репродуктивных установок. Работы середины 1970-х гг. показали, что треть женщин в традиционном обществе не дает количественного ответа на подобные вопросы, в их представлении размер семьи определяется тем, «сколько Бог даст» [McClelland, 1983]. Во-вторых, респонденты в принципе часто затрудняются дать единственный вариант ответа. Тогда интерпретация однозначного ответа не может быть корректной [Ballweg, Klemmack, 1984], однако могут применяться порядковые техники. Но и тогда неустойчивость оценок очень высока. Значительное число респондентов при повторном опросе меняют свои предпочтения (до 46% при опросе через четыре месяца [McClelland, 1983]). В работе Ф. Хейланда и соавторов [Heiland, Prskawetz, Sanderson, 2008] также отмечается неустойчивость показателя «желаемое число детей» — в среднем около 50% респондентов изменили свое мнение о желаемом числе детей во второй волне обследования (через 7 лет) как в сторону повышения, так и в сторону понижения. А. Моньер (цит. по: [Goldstein, Lutz, Testa, 2003]) отмечал, что репродуктивные намерения меняются после каждого рождения вместе с изменением условий жизни семьи. Неустойчивость оценок была одним из аргументов в пользу того, чтобы отказаться от их использования при прогнозах, несмотря на разработку специальных корректирующих моделей (модель Гласса–Гребеника, см. в: [Potter, 1956]).

Вопросы о репродуктивных установках включались в советские опросы населения уже в 1960-е гг. В целом совет-

ская демография придерживалась мнения, что социальные репродуктивные нормы формируются средой в период социализации личности и потом мало меняются в течение жизни человека. Предпринимались попытки концептуального разделения показателей: «идеальное число детей — когнитивная компонента репродуктивной установки (ориентация на социальные нормы), желаемое — когнитивно-эмоциональная компонента, ожидаемое — практическая компонента (установка действия) [Борисов, 1976]»¹. При этом рекомендовалось включать в обследование все три вопроса, и желательно подряд — тогда респондент должен лучше различать эти понятия. Согласованность показателей должна отражать гармоничность установки в целом, а «более гармоничные установки более устойчивы, и семейные планы в этом случае точнее реализуются»² [Белова, Дарский, 1972].

Однако опыт массовых опросов показывает, что разница в ответах на три вопроса подряд есть следствие не столько «негармоничности установки» респондента, сколько — традиционных социологических смещений. В рамках социально одобряемого поведения респондент подгоняет «желаемое число детей» под то, которое он же назвал «идеальным», а «ожидаемое» почти неизбежно оценивает более низко. Это происходит из-за негласной подсказки в самих вопросах. В первом из них есть «все необходимые условия», во втором их нет, и это подталкивает респондента менять ответ. Часть респондентов просто стремится поменять ответ, угождая интервьюеру [Мануильская, Рогозин, 2013].

Несмотря на вышеизложенные проблемы измерения, показатели репродуктивных установок остаются популярными в исследовательской среде. Большинство демографов отмечает, что эти установки во всем своем многообразии содер-

¹ Наряду с общепринятыми индикаторами идеального, желаемого и ожидаемого числа детей получило некоторое развитие понятие «потребность в детях» (например: [Архангельский и др., 2005]), в настоящей работе оно не рассматривается.

² Отмечали это и Р. Фридман и Л. Кумбс: если ожидаемое и желаемое число детей совпадают, то ожидания более стабильны во времени [Freedman, Coombs, 1965].

жат ценную для понимания последующего репродуктивного поведения информацию. На эмпирическом уровне исследователи неоднократно находили связь между установками в отношении рождения детей и фактическим поведением. Ряд авторов указывают на то, что сначала меняются установки, а затем поведение [Ajzen, Fishbein, 1980; Rindfuss, Morgan, Swicegood, 1988; Schoen et al., 1997]. Однако речь идет, прежде всего, о намерениях на определенный период времени — измерение успешности их реализации у тех же самых респондентов позволяет сделать некоторые выводы (см. обзор и результаты в: [Синявская, Тындик, 2009]), тогда как сравнение желаемого и фактического числа детей на момент опроса практически не имеет аналитического смысла.

Рассмотрим, какие результаты измерения репродуктивных установок дают количественные опросы, и затем проанализируем, как люди отвечают на вопрос о том, сколько детей они хотели бы иметь, и что такое для них *необходимые условия*.

Выше были приведены результаты западных исследований устойчивости предпочтений, проверим их на данных двух волн российского панельного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»¹. Одномерное распределение говорит об устойчивости ответов: чуть более половины респондентов хотели бы иметь двоих детей, примерно по 17% предпочитают однодетные и трехдетные семьи (табл. 2). Несколько процентов респондентов ответили, что не хотели бы иметь детей (в данном случае в их число входят и те, у кого дети уже есть). В табл. 2 приведены ответы и по пространственной и по панельной выборкам с тем, чтобы показать отсутствие смещения ответов в панельной части.

¹ Первая волна (2004 г.) исключена из рассмотрения, так как в ней отсутствовал вопрос о желаемом числе детей. Обследование также содержит вопрос об ожидаемом числе детей, но он не анализируется в связи с тем, что ответы на него дают не все респонденты: исключены те, кто ответил «определенно нет» на вопрос о репродуктивных намерениях. Мы считаем данный фильтр не вполне корректным. Более подробный анализ репродуктивных установок по материалам РИДМИЖ см. в: [Малева, Синявская, 2006; Синявская, Тындик, 2009].

ТАБЛИЦА 2. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС О ЖЕЛАЕМОМ ЧИСЛЕ ДЕТЕЙ

	2007 г.		2011 г.	
	Вся выборка	Панельная часть	Вся выборка	Панельная часть
0	3,4	3,5	4,3	5,6
1	17,0	16,9	18,9	19,8
2	55,7	55,3	53,6	53,3
3	17,3	17,5	17,1	15,3
4	2,8	2,8	2,6	2,5
от 5 до 10	1,9	2,0	2,0	2,1
з/о	1,8	2,1	1,4	1,4

ПРИМЕЧАНИЕ: На вопросы отвечают все респонденты моложе 50 лет.

Источник: Данные обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе».

Из табл. 3 видно, что только 58% респондентов не изменили своего ответа на вопрос о желаемом числе детей при анкетировании три года спустя. Скорректировали ответ в меньшую сторону около 23%, в большую — около 17% респондентов. Респонденты, родившие ребенка в период между опросами, чаще корректировали свой ответ в большую сторону по сравнению с остальными (28 против 15% среди не родивших детей). Те, кто не имел партнера в 2011 г., несколько чаще называли меньшее желаемое число детей (27,5 против 21% имеющих партнера в домохозяйстве). Пол и возраст респондента не играли значительной роли.

Полученные данные близки к результатам предыдущих западных обследований, при этом видно, что период между опросами не играет роли — будь то четыре месяца, три или шесть лет, чуть менее половины респондентов меняют свои предпочтения. Говорит ли это о том, что они в принципе не уверены в своем ответе? Или о том, что сам ответ не укладывается в прокрустово ложе списка закрытий стандартной анкеты? Проанализируем развернутые ответы респондентов качественного обследования.

ТАБЛИЦА 3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ ОДНИХ И ТЕХ ЖЕ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОС О ЖЕЛАЕМОМ ЧИСЛЕ ДЕТЕЙ

		ЖЧД 2011 г.							Итого
		0	1	2	3	4	от 5 до 10	з/о	
ЖЧД	0	1,0	0,8	0,8	0,2	0,0	0,0	0,1	2,9
2007 г.	1	1,6	8,7	5,7	0,4	0,1	0,1	0,3	16,8
	2	2,0	8,3	38,8	5,8	0,5	0,4	0,5	56,3
	3	0,8	1,4	6,0	7,8	0,9	0,7	0,2	17,7
	4	0,0	0,2	0,8	0,6	0,9	0,4	0,0	2,8
	от 5 до 10	0,1	0,1	0,3	0,4	0,2	0,5	0,1	1,7
	з/о	0,2	0,4	0,8	0,1	0,1	0,1	0,2	1,8
	Итого	5,6	19,8	53,3	15,3	2,5	2,1	1,4	100,0

Источник: Данные обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе».

Во-первых, стоит указать на важную особенность формулировки вопроса: начинаясь со слова «сколько» и заканчиваясь допущением обо «всех необходимых условиях», она изначально направляет ответ респондента в русло социально одобряемого поведения, другими словами — в сторону завышения числа детей. В классической паре «желаемое — ожидаемое» это завышение снимается вопросом, звучащим для респондента фактически как «а на самом деле?».

Во-вторых, для измерения установок на бездетность важным является тот факт, что от респондента не ждут ответа «нисколько», т. е. в принципе не спрашивают о наличии желания иметь детей¹. В соответствии с социально одобряемым поведением респонденты избегают этого ответа². В соответствии с данным замечанием изменение формулировок интервьюером в ходе неструктурированного интервью шло

¹ Более того, старт вопроса со слова «сколько» традиционно рекомендуется в методиках по получению ненулевых ответов, например, при изучении склонности к курению («Сколько сигарет в день вы в среднем курите?» вместо «Вы курите?»).

² Тот факт, что бездетный выбор остается неодобряемой позицией, неоднократно подтверждался в ходе интервью.

в русле сглаживания начала вопроса, например: «Если бы вы себя увидели, скажем так, матерью, то матерью какого количества детей?» Более того, сопротивление респондентов вызвало и неизбежное в такой формулировке множественное число: «Детей точно нет. Максимум на кого я решусь — это на одного ребенка» (Татьяна, 31, Москва).

В целом ответ на вопрос о желаемом числе детей редко звучал однозначно. Многие респондентки называли два значения (либо «одного-двоих», либо «двоих-троих»), иногда диапазон был еще шире: «Я когда последнее время задумываюсь, сколько детей хотел бы — один, два, мне кажется, было бы два замечательно, максимум три» (Саша¹, 29, Саратов).

Несмотря на присутствие в вопросе «всех необходимых условий», респонденты все равно опираются на реальный контекст собственной жизни: «...то есть если бы мне... я не знаю, насколько могут роды подорвать здоровье, но, наверное, все-таки двух или трех. Трех могу, да, максимум, больше я, наверное, не потяну» (Алена, 27, Тверь); «Вы знаете... мне всегда хотелось двоих. Мне хотелось двоих, но я не знаю, смогу ли я себе позволить такую роскошь» (Наталья, 34, Волгоград); «Так вот думаешь опять... про этот недостаток. Сейчас очень тяжело, все дорого. Конечно, хотелось двоих. А там посмотрим... Одного дай бог бы» (Алла, 27, Ульяновская область); «Да нет, больше нет, потому что сложно себе представить, как совмещать работу с большим количеством детей. Конечно, я понимаю, что моя мама будет помогать, будет сидеть с детьми, но все равно два это потолок» (Ольга, 29, Раменское) и т. д. Эти и другие фрагменты отражают, как быстро представления респондента корректируются под обстоятельства. Фактически речь идет о неизбежном смешении понятий желаемого и ожидаемого числа детей в голове и в речи респондента. Возможно, достаточная настойчивость интервьюера и объяснение им разницы между этими любимыми демографами показателями позволили бы добиться от респондентов более качественных ответов. Но стоит признать, что в условиях массового стандар-

¹ В нашей серии интервью было несколько «парных», которые проводились не только с женщиной, но и с ее партнером.

тизованного опроса — длительность которого, как правило, соответствует продолжительности глубинного качественного интервью (но не соответствует ему по уровню доверительности и вовлеченности обоих участников в беседу), — достичь этого практически невозможно.

Еще одна важная составляющая смещения оценки состоит в рефлексии респондента на тему собственного возраста. Есть основания полагать, что «эликсир молодости» редко включается респондентами в число абстрактных необходимых условий. Возможно, именно поэтому бездетные женщины старше 35 лет в качестве желаемого числа детей называют ноль. Как отмечалось ранее, по результатам количественного опроса «Москва и москвичи» мы видели [Tyndik, Viryukova, 2014], что вероятность нежелания иметь детей выше всего в старших возрастных группах. Лишь некоторые женщины рассуждают о том, что хотели бы детей, «если бы» им сейчас было 20–25 лет. Большинство исходит из реального возраста и говорит о том, что он может стать помехой к зачатию и вынашиванию беременности, и о том, что он создает риски проблем со здоровьем у новорожденного. Кто-то прямо указывает на то, что их репродуктивные установки изменились в течение жизни: *«Когда я была помоложе, хотелось [детей]. С первым мужем мы хотели, но не случилось. Вернее, был выкидыш один, потому уже мы не успели. А сейчас мы не хотим, ни муж, ни я. Мы не планировали и не планируем. И я спрашивала у него, хотелось бы ему ребенка. Если бы он захотел, то возможно... А как-то ни я ни он особо не видим потребности в детях <...> Все равно ребенка надо ставить на ноги, а мы уже в возрасте»* (Анна, 41, Сургут); *«До 30 лет я хотела двое детей стабильно, чтобы были дети. Сейчас я уже... вот только одного. Потому что для меня уже было бы тяжело иметь второго. Потому что, когда молодые, ты с пол-оборота с одним, с другим там, с детьми. А сейчас я уже чувствую, что мне уже, дай Боже, только одного ребенка»* (Наталья, 38, село). На теоретическом уровне это означает, что респонденты просто не могут представить «все необходимые условия», и оттого их ответы не в полной мере соответствуют основе «желаемого числа детей» как показателя.

Таким образом, дело не в изменчивости предпочтений, а в их неоднозначности. Безусловно, среди участниц качественного исследования были и уверенные в своем желании иметь строго определенное число детей. Но наряду с теми, кто планирует рождение детей — их число и сроки появления, — значительная часть населения не имеет четко выраженных репродуктивных установок.

Рождение и воспитание детей всегда протекало в условиях неопределенности. Ранее высокая младенческая смертность, с одной стороны, и низкая эффективность традиционных средств предохранения — с другой, формировали рамку, в которой оставалось мало места для принятия решения. В современном обществе эти условия ослабли, но взамен появились новые. Во-первых, это ослабление репродуктивного здоровья и неопределенность успеха зачатия в контексте растущего возраста родителей. С развитием современных репродуктивных технологий в ближайших поколениях его влияние может снизиться, тогда как в последующих — возрасти. Во-вторых, по сравнению с «золотым веком брака» значительно возросла неопределенность в отношении успешности поиска партнера и прочности союзов. Таким образом, постепенно отступая от «случайных и нежелательных» зачатий, далеко не все женщины приходят к четкому планированию числа и сроков появления детей.

Повысить информативность вопроса о желаемом числе детей в количественных исследованиях можно путем предоставления множественного выбора и/или разбиения этого сложного вопроса на несколько более простых. Это поможет нащупать источники неопределенности репродуктивных установок и, соответственно, реальные возможности увеличения числа детей в семьях. Наконец, серия качественных интервью выявила также немало женщин, которые хотели бы, чтобы их беременность наступила «незапланированно». Другими словами, они не готовы самостоятельно принимать решение, но не против случайности (*«как бы специально для этого ничего не буду делать, но если вдруг — значит, судьба»*). В определенном смысле эти группы являются адресатом демографической политики и склонны быстрее реагировать на нее.

3. Новейший этап демографической политики

К сегодняшнему дню некоторые из развитых стран уже ощутили негативное воздействие старения населения как на будущее демографическое развитие — деформацию демографической структуры и дальнейшее снижение норм детности, так и на развитие социально-экономическое, которое замедляется из-за роста иждивенческой нагрузки на трудоспособное население. В качестве ответа на демографические вызовы многие страны в разное время предпринимали ряд шагов по стимулированию рождаемости. Традиционно обоснование проведения демографической политики опирается на то, что в странах с низкой рождаемостью сохраняется разрыв между представлениями населения о желаемом числе детей в семье и их фактическим числом [Lutz, 2007; Chesnais, 1996]. С учетом неопределенности репродуктивных установок цели демографической политики можно переформулировать как а) создание условий для того, чтобы желаемые дети появлялись в желаемые сроки; б) стимулирование желания иметь детей. Обходя сомнения в достижимости последней цели, отметим, что она включает в себя разностороннюю пропаганду семейных ценностей и родительства. Многообразие прочих политических мер

можно объединить в несколько групп в зависимости от того, какие ресурсы они предоставляют семьям с детьми — деньги или время.

Меры прямого материального стимулирования направлены на снижение фактических издержек по рождению, уходу и воспитанию ребенка. Они включают в себя единовременные и ежемесячные выплаты, а также налоговые вычеты, и могут быть дифференцированы по демографическому и социально-экономическому положению получателей, по очередности рождения и возрасту ребенка [Тындик, 2010]. Группа мер, восстанавливающих дефицит времени семьи и/или женщины, достаточно разнообразна. *Меры в сфере трудового законодательства* применяются, чтобы сглаживать проблему совмещения родительства и занятости на рынке труда. Это в равной степени подразумевает как предоставление возможности женщинам не работать по причине ухода за ребенком, так и доступ женщин к оплачиваемой работе независимо от ее семейного состояния. *Меры социального характера* подразумевают развитие институциональных услуг по уходу за детьми и сокращают косвенные издержки воспитания. А меры в отношении *гендерного равенства* выравнивают распределение этих косвенных издержек внутри домохозяйства.

3.1. Услуги по уходу и воспитанию детей как мера демографической политики

На макроуровне доступность услуг по воспитанию детей влияет на рождаемость не только сама по себе, но как часть комплексной политики государства, формирующей режим благосостояния и общие институциональные рамки, в частности уровень гендерного неравенства. Элементы внутри того или иного режима тесно взаимосвязаны, поэтому трудно говорить о чистом влиянии одного из них на воспроизводство населения [Baizán, 2009]. Распространенность разных видов услуг также сильно коррелирует с господствующими социальными нормами и ценностями в обществе. В соответствии с этим роль играет не только индивидуальный доступ к услугам, но и нормы в отношении ухода

за детьми, т. е. согласованность индивидуального и общественного выбора.

На микроуровне связь услуг по уходу и рождаемости считается более ясной. В рамках *экономической теории рождаемости* ([Becker, 1960] et al.) решение о рождении (еще одного) ребенка принимается семьей исходя из сопоставления выгод и издержек. Услуги по уходу, воспитанию и образованию детей влияют на их объем, так как:

- представляют из себя прямые издержки рождения;
- служат снижению косвенных издержек (издержек времени женщины и семьи);
- являясь инвестициями в *человеческий капитал* детей, повышают их «полезность» (или «выгоды от рождения»);
- понижают социально-психологическую компоненту выгод от рождения за счет уменьшения времени, проводимого с детьми.

Положительное влияние использования услуг на рождаемость тем выше, чем: услуги дешевле; время женщины дороже (выше ее доход от занятости); выше развивающее качество услуг; меньше потери психологических выгод. Выбор вида услуг (формальные или неформальные) производится также на основе этих критериев. Каждый из них, в свою очередь, зависит от ряда факторов. Фактически негативное влияние услуг по уходу связано только с нивелированием психологических выгод и их положения в иерархии ценностей женщины. Исходя из *концепций о предпочтениях*, можно говорить, что позитивное влияние доступа к услугам по воспитанию детей на решения об их рождении будет тем выше, чем выше склонность женщины к самореализации вне семьи.

Таким образом, по мере модернизации общества и его движения прочь от традиционных установок роль формальных услуг по уходу и воспитанию будет возрастать (в рамках *концепции демографического перехода* см.: [Lesthaeghe, 1995]). Этот вывод проистекает как из макроуровневого, так и из микроуровневого подходов.

На такую функцию услуг по уходу и воспитанию, как сглаживание конфликта между материнством и карьерой, делается упор в рамках *концепции жизненного пути*. Она постулирует, что календарь рождений связан с планированием карьеры, в частности, чем короче перерывы в ней, тем выше вероятность еще одного рождения ([Gustafsson, Kenjoh, Wetzels, 2002] et al.). *Теория гендерного равенства* также подчеркивает позитивную роль доступа к услугам по уходу, в частности, в связи с тем, что они способствуют более равному распределению ролей как вне, так и внутри домохозяйства [Lewis, 1998]. Другими словами, влияние услуг двоякое — напрямую через доступ женщин к рынку труда и косвенно через выравнивание гендерного режима.

Большинство теоретических концепций оперирует понятиями формальных услуг по уходу и воспитанию. В этом смысле неформальная помощь лишь закрывает «провалы рынка» формальных услуг по воспитанию. Теория *социального капитала* рассматривает ее отдельно и делает это через призму таких индикаторов, как ширина социальной сети и ее качество ([Bühler, Philipov, 2005] et al.). Неформальные услуги требуют высокого уровня доверия и ответственности между поставщиком и получателем. Вовлеченность в сети межсемейной помощи положительно влияет на решения о рождении детей.

Таким образом, теоретические предпосылки свидетельствуют в пользу позитивного влияния услуг по уходу и воспитанию на рождаемость как на макро-, так и на микроуровнях. Сила этого влияния зависит от социально-экономических характеристик домохозяйства и от институциональных условий.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В отличие от стройных теоретических концепций, предсказывающих преимущественно положительное влияние услуг по воспитанию, эмпирические исследования дают подчас противоречивые результаты ([Hank, Kreyenfeld, 2003; Kravdal, 1996; Rindfuss et al., 2007] et al.). Прежде всего стоит обращать

внимание на спецификации ключевых переменных и их непосредственные значения.

Значительную роль играет динамика уровня развития формальных услуг — с какого порогового значения он растет или падает, и какими темпами. Например, Г. Андерссон и соавторы [Andersson, Duvander, Hank, 2004] не нашли значимого влияния региональных различий в характеристиках услуг по воспитанию (уровень предоставления, соотношение числа детей и персонала, стоимость услуг для родителей) на риски рождения второго и последующего детей в Швеции. Они объяснили это тем, что средний уровень услуг достаточно высок и различия в нем уже не играют существенной роли.

Не менее важную роль играет уровень рождаемости, относительно которого ведется измерение. Если он изначально был довольно высоким, расширение доступа к услугам по воспитанию не будет иметь эффекта. Этот результат дало исследование, в котором на основе квазиэкспериментальных данных анализировалось внедрение бесплатных государственных услуг в Израиле и их влияние на рождаемость арабских матерей [Schlosser, 2005].

Ряд исследователей указывают, что на эмпирические результаты влияет то, каким образом трактуется переменная формальных услуг по воспитанию — как экзогенная или как эндогенная [Mörk, Sjögren, Svaleryd, 2013; Rindfuss et al., 2007]. В частности, указывается на склонность семейных пар переезжать после рождения ребенка в районы с высокой доступностью услуг по воспитанию детей. Этот эффект может не учитываться в выборочных социологических исследованиях.

Иногда даже использование одной и той же базы данных приводит исследователей к разным результатам. Причины кроются в том, как формируются ключевые показатели. О. Кравдал и М. Ронсен использовали базу обследования «Семья и занятость» 1988 г. по Норвегии [Kravdal, 1996; Rønsen, 2004]. В первой работе охват услугами определен как пропорция детей 1–3 лет, посещающих ДООУ; а во второй — как число мест на 10 детей 0–6 лет. Соответственно, в первой работе был обнаружен небольшой позитивный эффект на рождение

детей, особенно высоких порядков, а во второй — негативный эффект на календарь рождений, снижающийся по мере движения к высоким порядкам рождения. В работе О. Кравдала также отмечалось, что влияние роста предложения услуг по воспитанию выше в группе высокообразованных женщин.

Характер влияния во многом зависит от соотношения государственных и частных услуг и уровня их субсидирования. Согласно исследованию Д. Ландин и Е. Морк [Lundin, Mörk, Öckert, 2008], дальнейшее снижение стоимости услуг вследствие реформы 2002 г. имело небольшой положительный эффект на рождаемость (4–6% прироста показателя СКР). Более позднее исследование Е. Морк [Mörk, Sjögren, Svaleryd, 2013] показало, что оно имело положительный эффект на вторые и последующие рождения, которые во многом носили тайминговый характер.

В тех странах, где охват детей услугами по воспитанию относительно невелик, а занятость на неполный рабочий день распространена, доступность услуг не оказывает влияния на принятие решения о рождении ребенка, так как их использование не расширяет возможности женщины на рынке труда (исследования [Hank, Kreyenfeld, 2003] по Западной Германии). В то же время доступность услуг и гибких режимов занятости повышает вероятность и участия на рынке труда, и рождения ребенка [Boca Del, 2002]. Характер влияния услуг по воспитанию на рождаемость различается и в разрезе статуса женщин. В частности, высокая стоимость таких услуг приводит к снижению рождаемости среди незанятых женщин и не имеет эффекта на рождаемость занятых на рынке труда женщин [Blau, Robins, 1989].

Сложившийся в обществе гендерный режим оказывает влияние на склонность к пользованию услугами по воспитанию. Матери могут сталкиваться со стимулированием к быстрому возвращению на рынок труда и — одновременно — с осуждением общественной заботы о детях, особенно самых маленьких [Knudsen, Wærness, 2001; Rindfuss, Brewster, 1996]. В таком случае существующие нормативные противоречия препятствуют успешному сочетанию профессиональных и семейных обязанностей женщины, а значит (как следует

из многочисленных исследований) — и дальнейшему деторождению.

По словам Р. Каптийна, демографические исследования концентрируются на влиянии формальных услуг, а эволюционная теория — на семейных сетях поддержки [Kartijn и др., 2010]. Он постулирует, что в доиндустриальных обществах широкая родственная сеть стимулировала деторождение, однако прямых свидетельств сохранения этого эффекта в современных обществах недостаточно. В данной работе на основе лонгитюдных данных по Голландии показано, что помощь по воспитанию со стороны бабушек повышает вероятность рождения следующего ребенка в течение 8–10 лет. Та же поддержка, но предоставляемая племянникам, не оказывает влияния на вероятность рождения первенца родными детьми. Другая работа, проведенная в том же теоретическом контексте по Великобритании, дает схожие результаты [Waynforth, 2012]. В ней показывается, что 30-летние респонденты, имеющие тесные связи со своими родителями, в большей степени склонны к рождению ребенка в период 30–34 года, по сравнению с остальными.

Близость с родителями выступает объясняющей переменной и в исследовании Е. Г. Моран и З. Куэн, в котором говорится о ее позитивном влиянии на решения о рождении и о выходе на рынок труда [García-Morán, Kuehn, 2012]. Они идут дальше и анализируют, как отношения с родителями влияют на решение о выборе места проживания, а следовательно, и на характеристики занимаемого рабочего места (т. е. размеры вознаграждения). Показано, что почасовая заработная плата у матерей, пользующихся поддержкой старшего поколения, ниже по сравнению с остальными.

В целом исследования указывают на значимую роль доступности неформальной помощи со стороны бабушек в принятии решения о рождении ребенка, особенно — второго и последующих. В работе А. Аассве фокус внимания сосредоточен на особенностях семейной сети поддержки: показано, что помощь бабушки в стимулировании дальнейших рождений наиболее эффективна, если ей не приходится делить ее между несколькими маленькими внуками [Aassve,

Meroni, Pronzato, 2012]. Здесь также говорится о том, что вероятность родить ребенка ниже, если его потенциальная бабушка уже присматривает за другим внуком. Отмечается, что роль старшего поколения особенно сильна в Южной Европе, где общественная забота о детях слабее по сравнению с другими европейскими странами.

Соотношение формальной и неформальной помощи также немаловажно. В работе Ф. Томезе и А. Лифброера по Голландии указывается, что доступность формальных услуг не помогает предсказать уровень вовлечения старшего поколения в уход за внуками и их воспитание [Thomese, Liefbroer, 2013]. Они говорят о том, что решение прибегать к помощи со стороны бабушек выступает частью репродуктивной стратегии семейной пары и способствует появлению последующих детей. Вместе с тем К. Хэн, М. Крейенфельд и К. Списс (2003) обнаружили, что влияние помощи бабушки не проявляется в Восточной Германии, где, наоборот, доступ к формальным услугам оказывается значимым для первых рождений (цит. по: [Hank, Kreuyenfeld, 2003]).

Необходимо понимать, что процессы старения населения будут накладывать отпечаток на характер и влияние неформальной родственной помощи. Откладывание рождения ребенка приводит к увеличению разницы в возрасте между поколениями «отцов» и «детей», и если последние также следуют тренду откладывания, то бабушки уже не смогут оказывать поддержку в присмотре и уходе за детьми.

Обобщая результаты западных эмпирических исследований, можно выдвинуть ряд гипотез относительно характера влияния тех или иных характеристик услуг по воспитанию на рождаемость в современной России исходя из текущих показателей:

- Россия отличается значительной дифференциацией доступа к услугам по воспитанию (особенно для детей до трех лет), причем наиболее низкий уровень характерен для регионов с высокой рождаемостью, что соответствует традиционному типу общества в них. Можно ожидать, что расширение доступа к услугам в этих

- регионах почти не окажет влияния на рождаемость, тогда как в остальных регионах — окажет;
- стартовый уровень охвата услугами по воспитанию детей до трех лет в России достаточно низок, поэтому его повышение может иметь значимый позитивный эффект на вероятность вторых и последующих рождений;
 - институциональные условия в России таковы, что дают основание предполагать значимое позитивное влияние доступности услуг на рождаемость. Речь идет о массовой модели семьи с двумя кормильцами, высокими показателями занятости женщин (в том числе с детьми) и низкими показателями безработицы населения в целом. Российские нормы в отношении ухода за детьми лояльны к общественному воспитанию и вступают в противоречие со сверхдлинным отпуском по уходу за ребенком;
 - плата за посещение детских дошкольных учреждений в России традиционно невысокая, ее снижение не окажет влияния на показатели рождаемости;
 - в России слабо распространены гибкие режимы занятости (особенно в среднедоходных сегментах рынка труда), поэтому наблюдаемый в настоящее время тренд на развитие групп кратковременного присмотра за детьми не окажет значимого влияния на рождаемость.

Россия продвинулась по демографическому переходу до той стадии, когда рождаемость стабильна на уровне ниже простого воспроизводства населения, а перестройка календаря рождений уверенно идет в сторону постарения. Увеличение разницы в возрасте между родительским и детским поколениями вследствие откладывания деторождения приведет к снижению роли неформальных услуг по уходу за детьми, традиционно предоставляемых бабушками.

Утверждения о высоком спросе со стороны российских семей на услуги по уходу за детьми до трех лет не голословны. Социологические исследования показывают, что около двух третей родителей отдали бы своего ребенка в детский сад/

ясли до достижения им возраста трех лет, если бы у них была такая возможность (табл. 4). При этом наибольший спрос демонстрируют те, у кого нет высшего образования. Скорее всего это говорит о низком уровне благосостояния таких семей и потребности иметь двух работающих взрослых для поддержания нормального уровня жизни.

Таблица 4. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС О ЖЕЛАЕМОМ ВОЗРАСТЕ ПОСТУПЛЕНИЯ РЕБЕНКА В ДЕТСКИЙ САД/ЯСЛИ В РАЗРЕЗЕ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПОНДЕНТА, ПОДВЫБОРКА ЛИЦ ДО 44 ЛЕТ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ, %

	Ранее года	В 1 год	Примерно в 1,5 года	Примерно в 2 года	После 2, но раньше 3 лет	Накопленная доля ответов «до 3 лет»	В 3 года или позже	3/0
Образование ниже высшего	6,4	9,8	18,5	24,5	4,1	63,4	14,8	21,9
Высшее образование	4,2	7,2	15,7	23,5	6,8	57,4	18,1	24,5

Источник: Данные общероссийского обследования «Человек, семья, общество» 2013 г.

Особняком стоят меры демографической политики, направленные на достижение гендерного равенства внутри семей. Хотя время, затрачиваемое на домашний труд, неуклонно снижается, он по-прежнему остается преимущественной обязанностью женщин. Двойной рабочий день является следствием противоречия между равным распределением гендерных ролей в общественной сфере и неравным — внутри семей. Меры в отношении гендерного равенства также ориентированы на восстановление ресурса времени женщины, но, в отличие от институциональных услуг, не выносят его за пределы домохозяйства. При этом перераспределение издержек времени внутри семьи только увеличивает социально-психологическую компоненту выгоды от рождения детей. Все это создает условия для повышения числа детей в семьях. Помимо этого гендерная политика способна улучшить

ситуацию и в сфере брачности, так как она способствует сокращению числа разводов.

Гендерная политика имеет среди своих целей повышение престижа отцовства. Развитие этого института для России чрезвычайно актуально, в частности, оно помогло бы нормализовать специфическую ситуацию в отношении многочисленных монородительских семей. Речь идет о том, что после распада союза с детьми его официальный статус не дает необходимых гарантий ни отцу, ни матери ребенка. С одной стороны, в российской судебной практике случаи, когда ребенка после развода оставляют отцу, единичны. С другой стороны, широко распространена невыплата алиментов. Таким образом, урегулирование споров в отношении ребенка после распада союза чаще находится в неформальном поле, а не в правовом. И это приводит к ущемлению прав всех сторон. В отношении рождаемости данный порядок вещей имеет как минимум один негативный эффект — снижение вероятности рождения детей в повторных союзах. А с ростом числа этих союзов повышается их значение в воспроизводстве населения.

3.2. Возможности влияния НА КАЛЕНДАРЬ РОЖДЕНИЙ

Постарение материнства прочно вошло в политическую повестку последних лет. В исторической перспективе мы не знаем примеров целенаправленного омоложения рождаемости. Известны случаи флуктуационных колебаний, когда под действием серьезных пронаталистских мер средний возраст при рождении ребенка временно понижался. Речь идет о введении длительных отпусков по уходу за ребенком и других мер поддержки семьи, появившихся в 1980-е гг. в СССР. Нужно понимать, что для населения данные меры имели огромное значение, и при этом они не носили характер материального стимулирования. Однако последствия такого сдвига календаря рождений для показателей итоговой рождаемости оказались минимальны. По подсчетам российских демографов, эффект мер достаточно скромен, но что особен-

но важно — наименьший прирост рождаемости наблюдался в самых молодых поколениях, затронутых политикой стимулирования рождаемости [Захаров, 2006]. Для них был характерен «мощный старт» и раннее родительство, но итоговая рождаемость оказалась даже ниже, чем у предшествовавших поколений (этому поспособствовала и последующая перестройка). У последующих поколений, в свою очередь, возраст рождения первенца снова возрос. Аргументом против такого стимулирования рождаемости и сдвига календаря рождений, который приводит к эффекту бэби-бума, можно привести исследование Европейской комиссии 2005 г. Оно доказывает, что в итоге поколение, пережившее в молодых репродуктивных возрастах свой бэби-бум, демонстрирует в дальнейшем более низкую рождаемость — вследствие возросших для них проблем с трудоустройством, жильем, собственным образованием и т. п. [Confronting Demographic Change: A New Solidarity between the Generations, 2005].

Таким образом, с одной стороны, находится ряд макрофакторов, действующих в сторону повышения возраста вступления в материнство и отцовство; с другой стороны, существуют объективные биологические ограничения репродуктивного возраста женщины. При этом проблема «перманентного откладывания» также давно известна. Все это говорит о том, что задача мягкого регулирования календаря рождений (так называемые *tempo policies*) действительно актуальна. Каковы же возможности, ограничения и риски стимулирования более ранних рождений? В контексте жизненного пути женщины существует всего два пути омоложения деторождения: первый — изменение порядка жизненных событий; второй — укорачивание промежутков между ними. Одно из ключевых событий здесь — окончание обучения.

Во-первых, стоит отталкиваться от получения образования как конкурирующего к формированию семьи процесса. Другими словами, нельзя допускать того, чтобы часть женщин, решившаяся на рождение ребенка в период обучения, осталась «недообразованной». Это создаст последующие риски бедности таких семей и их маргинализации. В данном контексте эффективными мерами для начала могут стать те,

что способствуют совмещению родительства и получения образования. К их числу можно отнести предоставление мест в учреждениях по уходу за детьми для студенток — причем, именно для них может быть критически важно получение такого места уже по достижению ребенком возраста одного года, — что связано с рисками более длительного пропуска учебы. В частности, можно предложить прикрепление студенток к «профессорским» дошкольным учреждениям, которые, как правило, существуют при крупных высших учебных заведениях.

Расширение возможностей для выбора образовательной траектории также может служить понижению возраста при рождении первенца (путь укорачивания промежутков, [Lutz, Skirbekk, 2005]). Эта задача может считаться особенно актуальной для России с ее гипертрофированной долей лиц с высшим образованием при снизившемся его качестве. Введение двухгодичного прикладного бакалавриата и принципа разбиения ступеней образования на весь жизненный путь человека может дать больше возможностей для раннего формирования семьи.

Считается, что одна из причин откладывания рождения ребенка на индивидуальном уровне — это высокая степень экономической неопределенности в молодых возрастах. Причем в последние десятилетия она возросла во многих странах, включая Россию. В числе факторов — отсутствие гарантий трудоустройства, низкая отдача от образования в первые годы, характерные для России структурные проблемы связи «образование — рынок труда». Согласно П. Макдональду, политика поддержки занятости молодых специалистов способна оказать положительный эффект на темпы формирования их семей.

Во-вторых, следует избегать мер прямого материального стимулирования рождения первенца. Как показывают многочисленные исследования, мотивация при рождении первого и при рождении последующих детей принципиально различается. Степень влияния экономических факторов на вероятность рождения первенца значительно ниже, чем для рождения следующих детей. Это связано с тем, что пере-

ход от бездетности к родительству в большей степени лежит в сфере психологических факторов и наиболее тесно связан с созданием устойчивого партнерского союза, брака. Следовательно, меры материального стимулирования ранних первых рождений найдут свой отклик в тех слоях, где и без них есть склонность к более ранним рождениям. Это женщины с низким уровнем образования или из бедных социальных групп, а также население отдельных регионов, где исторически все еще сильно влияние традиционных семейных норм. Таким образом, поток поддержки сместится, и это смещение будет более сильным, чем, например, в случае введения материнского капитала при рождении второго и последующих детей.

В-третьих, в политической риторике в целом следует ориентироваться на социально ответственную рождаемость. В этом контексте необходимо перейти от позиции «стимулирования» к позиции «предоставления возможностей». Для женщины, получившей желаемый уровень образования и вышедшей на рынок труда, нужно предоставить все возможности для того, чтобы ей можно было не откладывать рождение ребенка. Наиболее острой проблемой для молодых семей была и остается жилищная обеспеченность. Государственные жилищные программы являются самыми востребованными, и именно на их расширение стоит делать акцент. Также для молодых семей являются актуальными все меры, касающиеся услуг по уходу за детьми, яслей и детских дошкольных учреждений.

В-четвертых, если говорить именно о приостановлении процесса постарения материнства, то в наибольшей степени можно надеяться на меры информационного воздействия. Прежде всего следует повышать информированность населения о репродуктивных возможностях в целом и для каждого человека в частности. Нередко женщина впервые обращается к полноценному обследованию своих репродуктивных возможностей, когда решает родить первого ребенка в возрасте около 30 лет или позже. Слишком позднее обращение может стать одной из причин бесплодности, а в условиях ограниченного доступа к вспомогательным репродуктивным технологиям приводит к вынужденной бездетности. Повышение

заинтересованности мужчин и женщин в том, чтобы уже после 25 лет проходить регулярные обследования на репродуктивные возможности, будет в значительной мере снижать долю «перманентно откладывающих». Данная мера хорошо зарекомендовала себя в Австралии, отличающейся продвинутой семейной политикой. Помимо этого стоит обратить внимание на социальную рекламу, несущую в себе образы молодых активных родителей или, наоборот, пожилых людей, сожалеющих о том, что не успели создать такую большую семью, как они хотели.

Следует отметить, что в западных странах, также обеспокоенных проблемами откладывания и низкой рождаемости, действуют свои меры. В том, что касается постоянного влияния на календарь рождений, можно привести пример Швеции — в ней вводились так называемые премиальные за скорость, касающиеся сокращения интергенетических интервалов (интервала между рождением первого и второго, второго и третьего ребенка). При этом аналогичные меры в Словении в свое время не принесли эффекта, т. е. просто не сработали в других институциональных условиях.

В целом индивидуальный выбор возраста рождения первого ребенка как никакого другого лежит в сфере нормативных представлений, психологических факторов и обстоятельств личного характера. Рождение первенца также наиболее тесно связано с другими этапами жизненного пути, такими как завершение образования, закрепление на рынке труда, создание собственной семьи и обзаведение жильем. Поле для мягкого политического вмешательства здесь есть. Это может быть социальная реклама против суждений «семья — это когда-нибудь потом», а также расширение социально-экономических возможностей этой семьей обзаводиться. К ним относится борьба с барьерами на вход на рынок труда для молодых специалистов, развитие программ доступного жилья молодым семьям, услуги по уходу за детьми. Особняком стоят меры сокращения периода экономической неопределенности за счет более короткой системы образовательных блоков, препятствующих затягиванию процесса обучения.

3.3. СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

Основы действующей в России по сегодняшний день системы мер семейной политики, стимулирующей рождаемость, были заложены в начале 1980-х гг. Тогда была увеличена продолжительность отпусков по беременности и родам и по уходу за ребенком; вводились пособия и льготы для одиноких матерей и многодетных семей, а также гарантировались особые условия труда для работников с детьми. В 2007 г. началась реализация нового этапа демографической политики¹. Были значительно увеличены размеры финансовой помощи семьям, а также введен комплекс новых мер, предусматривающих усиление социальной поддержки семей, имеющих детей, в том числе:

- увеличены размеры пособия по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет (при установлении «потолка» покрытия отпуска в размере 40 % от заработной платы) и предоставлено право на получение этого пособия в минимальном размере неработающим матерям и другим родственникам ребенка, не подлежащим социальному страхованию;
- предоставлено право на единовременное пособие при передаче ребенка семье усыновителей, опекунов либо приемных родителей; увеличен размер выплат на содержание ребенка и оплаты труда приемных родителей;
- предоставлено право на получение материнского (семейного) капитала женщине при рождении (усыновлении) второго и последующего ребенка, распоряжение капиталом возможно при достижении ребенком трех лет;
- введена компенсация части платы родителей за содержание ребенка в государственном и муниципальном

¹ Подробное обсуждение введенных мер см.: [Бурдяк и др., 2009; Елизаров, 2011; Елизаров, 2008; Овчарова, Пишняк, Попова, 2007] и др.

дошкольном образовательном учреждении, дифференцированная по числу детей — 20 % за первого ребенка, 50 % — за второго, 70 % — за третьего и последующего.

Принципиальным новшеством стало вхождение в программу пособий по уходу за детьми в возрасте до 1,5 лет, которые родились у матерей, не подлежащих социальному страхованию: если раньше незанятые женщины исключались из числа получателей этого вида помощи, то с 1 января 2007 г. получили право на ежемесячную выплату пособия минимального размера, равного 1500 руб. на первого ребенка и 3000 руб. — на второго. Для работавших до рождения ребенка матерей были установлены ежемесячные выплаты в размере 40 % от среднего заработка по основному месту работы за последние 12 календарных месяцев, предшествующих отпуску по беременности и родам, но не ниже минимального размера.

С 2012 г. увеличен размер налоговых вычетов на детей. На первого и второго ребенка он составил 1400 руб., на третьего и каждого последующего ребенка — 3000 руб. Сохранена возможность получения единственным родителем удвоенного вычета. Как и до поправок, налоговый вычет на ребенка действует до месяца, в котором совокупный доход налогоплательщика с начала года превысит 280 тыс. руб.

С 2013 г. нуждающиеся семьи, в которых рождается третий или последующие дети, получают ежемесячную выплату до достижения ребенком трехлетнего возраста в размере прожиточного минимума ребенка. В зависимости от региона это составляет от 5–6 до 10–11 тыс. руб. в месяц. В регионах, в которых наблюдается естественная и миграционная убыль населения, а величина суммарного коэффициента рождаемости ниже средней по стране, федеральный бюджет будет софинансировать данную выплату (51 регион, с 2015 г. будет 54 региона, включая Крым и Севастополь). Еще 16 регионов ввели настоящую выплату из региональных бюджетов (рис. 15).

Материнский (семейный) капитал на второго или последующего ребенка занимает особое место среди мер современной демографической политики, остановимся на нем подробнее.

Рис. 15. Установление ежемесячных пособий на третьего ребенка и последующих детей в субъектах Российской Федерации

Предоставление материнского капитала регулируется Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Он предоставляется каждой женщине, родившей (усыновившей) второго (третьего и последующих) ребенка в период с 2007 по 2016 г. независимо от даты рождения первого ребенка, но только один раз. За 7 лет действия программы в нее неоднократно вводились изменения и улучшения. В 2009–2011 гг. производилась выплата из средств материнского капитала по 12 тыс. руб. на текущие нужды и предоставление права на погашение ипотечных и жилищных кредитов из средств материнского капитала, не дожидаясь момента, когда ребенку исполнится три года. В 2010 г. была введена возможность получить сертификат материнского (семейного) капитала тем женщинам, которые потеряли первого ребенка.

Средства материнского (семейного) капитала в полном объеме либо по частям могут быть использованы по следующим направлениям:

- 1) улучшение жилищных условий (в виде исключения средства на погашение основного долга и уплату процентов по кредитам или займам, в том числе ипотечным, на приобретение (строительство) жилья можно использовать до достижения ребенком возраста трехлет);
- 2) получение образования ребенком (детьми);
- 3) формирование накопительной части трудовой пенсии для женщин;
- 4) на оплату детского сада (введено с ноября 2011 г.).

Ежегодно размер материнского капитала индексируется (рис. 16), с января 2014 г. сумма материнского капитала составляет 429 408 руб. В постоянных ценах 2007 г. размер материнского капитала, ожидаемо, не меняется, однако в отношении к средней заработной плате по стране его величина падает.

Возможности расширения списка направлений регулярно обсуждаются, равно как и продление программы после 2016 г. Остается проблема невостребованности средств материнского капитала в связи с тем, что существующие направления не в полной мере отвечают потребностям семей. Семьи с детьми испытывают нехватку средств на текущее

Рис. 16. Динамика размера материнского (семейного) капитала

потребление, оттого их спрос на средства такой программы развития, как материнский капитал, пока не очень высок. На сентябрь 2014 г. получило сертификат около 5,5 млн семей, а частично или полностью распорядилось его средствами 51,8 % получивших сертификат на него. Подавляющее большинство распорядившихся потратило его на улучшение жилищных условий (97%). При этом значительная часть семей использует МК как дополнительный ресурс для погашения ипотечного кредита (1,75 млн семей), который был взят еще до рождения второго ребенка. Несмотря на то что программа материнского капитала (пока) заканчивается в 2016 г., время получения сертификата и распоряжения его средствами не ограничено.

С 2010 г. усилилось стимулирование детей третьей очередности рождения, в частности, был введен региональный материнский капитал. В настоящее время он законодательно закреплен почти во всех субъектах РФ. В большинстве субъектов региональный МК выплачивается при рождении третьего и последующих детей, его размер варьирует от 50 тыс. руб. (Ивановская, Владимирская, Челябинская области) до 429 тыс. руб. (Республика Башкортостан), а в среднем он составляет 150 тыс. руб. Как показывает анализ, размер регионального МК не зависит ни от уровня и динамики рождаемости, ни от уровня экономического развития области [Калабихина, 2013].

В целом эффект материнского капитала состоит из трех частей: демографической, экономической и социально-политической. В отношении размера первой из них оценки экспертов расходятся наиболее сильно — одни считают, что программа материнского капитала действительно стимулировала рождаемость, и это приведет к увеличению итогового числа детей в семьях (В. Н. Архангельский); другие — что влияние программы было очень скромным и что она помогла родиться детям, которые так или иначе были запланированы (С. В. Захаров). Экономический эффект — другими словами, повышение благосостояния семей с детьми — также оценивается противоречиво. С одной стороны, почти 3 млн российских семей с детьми улучшили свои жилищные условия, это,

несомненно, повысило их благосостояние. С другой стороны, размер материнского капитала недостаточен для покупки жилья без вливания собственных средств, а значит, наиболее бедные и нуждающиеся семьи не могут им воспользоваться. Социально-политический эффект материнского капитала признается наиболее весомым. Эта программа имела широкий общественный резонанс и действительно привлекла внимание широких кругов населения к проблемам рождаемости и поддержки семей с детьми.

Таким образом, финансовая составляющая современных мер семейной политики продолжает укрепляться, однако в последние годы заговорили и об усилении сервисной поддержки. Ранее был взят курс на сокращение очереди в детские дошкольные учреждения для детей от трех лет, а в последнее время политическая риторика касается и развития яслей. Оперативное решение проблемы переполненности детских садов происходит за счет внедрения и развития вариативных форм — групп кратковременного пребывания. За последние годы их число значительно возросло (почти в 4 раза по сравнению с началом 2000-х гг.). Финансовая доступность ДДУ повышается за счет компенсации части родительской платы, фактически взимаемой за содержание в образовательном учреждении. Она составляет 20 % за первого ребенка; 50 % — за второго ребенка и 70 % — за третьего и последующих детей. В целом на текущий момент комплекс услуг по уходу и воспитанию остается традиционным и сконцентрированным в государственных учреждениях на детей трех лет и старше.

3.4. ИЗМЕНЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

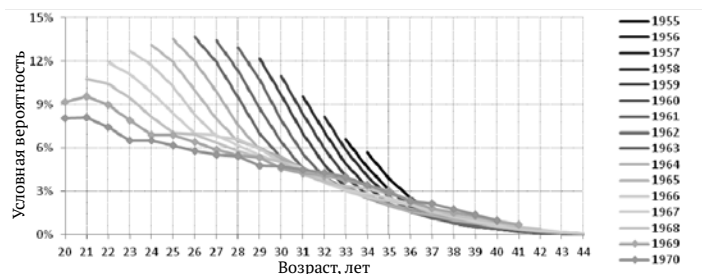
Подводить итоги новейшего этапа демографической политики рано. *Рождаемость* (в терминах текущих показателей, общего и суммарного) росла с 2007 г., причем росла за счет вторых и последующих рождений. Однако чтобы ответить на вопрос о том, насколько увеличилось *число детей* в семьях, потребуется немало лет. Анализ того, из чего складывается

этот рост числа рождений, позволит глубже понять происходящие трансформации.

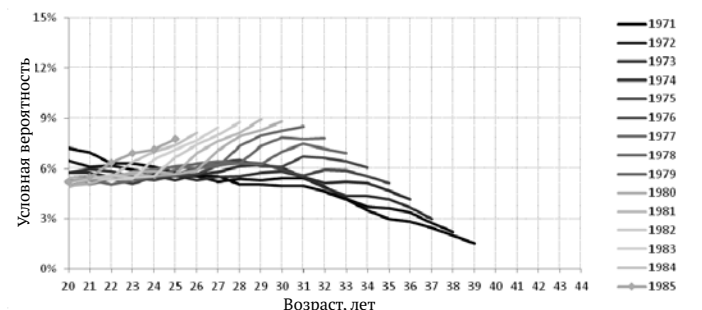
Все женщины, начиная с поколения 1970-х годов рождения, стали обзаводиться детьми в среднем чуть позже по сравнению со своими предшественницами. Показатели текущей рождаемости подвержены влиянию таких изменений, поэтому в 1990-х они резко упали, а с 2000 г. восстанавливались. При этом поколение начала 1970-х годов рождения «потеряло» из-за откладывания больше всего детей: они пережили социальные потрясения в самых активных возрастах, резко перестроили свой календарь рождений и не успели почувствовать поддержку государства (в том числе материнский капитал). Причем потери коснулись именно вторых рождений (рис. 17).

Поколение женщин конца 1970-х — первой половины 1980-х годов рождения более успешно. Они вступили в детородный возраст на этапе экономической и социальной стабильности, им «вовремя» пришлось меры стимулирования рождаемости. У них действительно будет больше вторых и последующих детей по сравнению с предыдущим поколением. Именно они вносят ключевой вклад в статистику вторых рождений. Но пока трудно сказать, достигнут ли они средней детности своих матерей (т. е. женщин, родившихся до конца 1960-х гг.). Про поколения женщин, родившихся во второй половине 1980-х гг. и позже, пока нельзя ничего сказать — они на пике своих первых рождений. Вероятно, во вторых рождениях они будут не менее успешны, сколь и их предшественницы. Однако уже сейчас мы знаем, что среди них будет выше доля окончательно бездетных женщин.

Данные для рис. 17 получены из специальных таблиц рождаемости (таблиц, показывающих изменение во времени частоты и других характеристик процесса деторождения в совокупности женщин). Имеющиеся в нашем распоряжении таблицы охватывают временной период с 1989 по 2010 г., в связи с чем данные о самых старших поколениях цензурированы слева, о самых молодых — справа. Рисунок (а) демонстрирует быстрое снижение вероятности рождения второго ребенка в молодых возрастах. Например, в поколении

а)

б)

Рис. 17. Вероятность рождения второго ребенка (при условии наличия первого) у женщин поколений 1955–1970-х (а) и 1971–1985-х (б) годов рождения, %

Источник: Расчеты автора на основании данных The Human Fertility Database.

женщин 1964 года рождения вероятность рождения второго ребенка в 25 лет была равна 13,5%, а в поколении 1970 года рождения — всего 6,2%. Рисунок (б), отражающий информацию о молодых поколениях, показывает небольшой рост вероятности рождения второго ребенка во всех возрастах, и особенно — около 30-летнего рубежа. В частности, у однопородных женщин 1971 года рождения в 30 лет вероятность родить второго ребенка была 5%, а у женщин 1980 года рождения — 8,8%. На графиках хорошо видно, что поколения женщин первой половины 1970-х имели самые низкие веро-

ятности рождения второго ребенка на всем протяжении репродуктивного периода.

Упрощая, типичная женщина 1970 года рождения не родила своего второго ребенка в 25 лет, как это сделала ее мать, и не смогла родить его позже. А типичная женщина 1980 года рождения тоже не родила второго ребенка в 25 лет, но зато родила его позже. Другими словами, «рост рождаемости», обеспеченный молодыми поколениями, становится ярче, если смотреть на него на фоне неблагополучного поколения предшественников.

Можно ли говорить о сдвиге в календаре рождений к более молодым возрастам под действием политических мер? Дело в том, что оценить истинное изменение интервала между рожденьями сейчас нельзя. Текущие показатели говорят о том, что в 2007 г. средний интервал был 4,9 лет, а к 2012 г. сократился до 4,5 лет. Эти цифры подвержены целому ряду структурных эффектов, но пока остается довольствоваться ими. Любые стимулирующие меры приводят к тому, что дети рождаются, прежде всего, в семьях, которые и так их хотели (раньше или позже). Плох ли этот сдвиг календаря? Необязательно.

Во-первых, отсылки к аналогичным процессам в середине 1980-х не вполне корректны: тогда первые рождения концентрировались на 22–24 годах, а сейчас — на 25–27. Отдельные страны в схожей ситуации вводят «премиальные за скорость» для того, чтобы рождение второго ребенка не откладывалось. Рождение запланированного ребенка «сейчас» лучше, чем продолжение его откладывания (часть отложенных рождений не будет реализована). Интервалы между рожденьями в России не считаются короткими, поэтому «сдвиг в календаре рождений» как минимум не является негативным явлением. Во-вторых, наши последние исследования подтверждают простую истину — представления о желаемом числе детей у значительной части населения неопределенны. Нередко они меняются, при этом родившие ребенка (первого или второго) чаще пересматривают их в сторону увеличения, чем остальные. В-третьих, когда говорят о том, что политика восьмидесятых привела только к сдвигу календаря и не повысила итоговые показатели рождаемости, не всегда

отмечают, почему это так. Именно дальнейшие социальные события и резкое снижение ценности всех мер семейной поддержки привели к тому, что семьи, родившие второго ребенка, не успели решиться на третьего. А те, кто не успел родить второго, надолго оставили эти намерения. Сейчас мы сталкиваемся с тем, что стимулирование рождаемости снова оказывается не долгосрочной политикой, а временной мерой (и время ее сворачивания как нельзя неудачно).

Таким образом, пока неизвестно, в какой мере увеличение числа рождений в последние годы (если предположить, что оно было спровоцировано политическими мерами, а не более глубокими общественными процессами) повлечет за собой увеличение итогового числа детей в расчете на одну женщину. Обобщая данные, еще раз подчеркнем, что отклик на материнский капитал и другие меры поддержки был выше среди женщин примерно 1975–1985 годов рождения, сельских женщин, тех, у кого уже были установки на рождение нескольких детей (поддержка государства помогла реализовать их), и тех, кто сомневался в своем намерении родить ребенка именно в ближайшее время (поддержка государства помогла принять решение). По экспертным оценкам, реальным можно считать увеличение итоговой рождаемости поколения второй половины 1980-х годов рождения на 0,1 ребенка в среднем на женщину [Фрейка, Захаров, 2014].

В тот момент, когда вводилась программа материнского капитала, демографические и социальные условия были благоприятными: поколение молодых женщин было многочисленным, социально-экономическое развитие стабильным. Поддержка семей сыграла свою роль в повышении рождаемости, пусть только вспомогательную. При этом эффект непосредственно материнского капитала можно разделить на экономическую и социально-психологическую части. Если первая оказалась значима для отдельных слоев населения, то вторая повлияла на общество в целом. В настоящее время изменилась и демографическая ситуация (число молодых женщин становится рекордно низким), и экономическая. Нарушение обязательств и изменение курса социальной под-

держки усилит негативные тренды. Фактически именно теперь роль поддержки семей возрастает.

Материнский капитал является самой популярной и одобряемой населением мерой, обсуждение его судьбы привлекает внимание, в какой-то степени эту программу считают «маркером благополучных лет». Помимо роста социального недовольства в случае его отмены можно ожидать нарастания демографического пессимизма из-за неизбежного снижения числа рождений в ближайшие годы (в связи со сменой многочисленных поколений молодых женщин малочисленными). Подкрепление негативного тренда приведет к очередным диспропорциям в численности соседних поколений детей, а значит, к неравномерной нагрузке на все социальные системы. Между тем именно сглаживание демографических волн должно быть одной из целей социальной политики. Программа материнского капитала несет в себе как риски отмены, так и риски сохранения. Прежде всего это бюджетные риски и финансовых обязательств, неопределенность в отношении перспектив программы. Она также имеет ряд недостатков в отношении направлений распоряжения его средствами (их неоднократно обсуждали). Программа требует мягкой и постепенной трансформации, например, в сторону усиления жилищной компоненты или недавно подключенной сервисной поддержки семей.

3.5. НОВЕЙШИЕ МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ФОКУС-ГРУППОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2014 г. социальным блоком правительства были озвучены предложения, направленные на поддержку студенток с маленькими детьми и — шире — на создание условий для рождения детей во время получения профессионального образования. Молодым мамам 18–23 лет было предоставлено право на бесконкурсное зачисление на бесплатные подготовительные курсы вузов, участвующих в данной программе. С 1 сентября 2014 г. должна начаться реализация программы их бесплатного обучения. Помимо этого рассматриваются возможности расширения поддержки молодых мам самими

вузами. Речь идет о предоставлении семейных общежитий и яслей на базе учебного заведения. В настоящее время принято заводить семью как минимум после окончания обучения. Перечисленные меры входят в комплексную программу по повышению рождаемости и призваны стимулировать более ранние первые рождения.

Лабораторией федеративных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в июле 2014 г. было проведено фокус-групповое исследование со студентами и кураторами вузов. Целью исследования было изучение мнений о родительстве во время обучения. Одна часть фокус-групп проводилась с девушками, родившими ребенка в вузе. Они рассказывали, с какими сложностями им пришлось столкнуться, чья поддержка оказала влияние на принятие решения о рождении, какую помощь они хотели бы получать в своем учебном заведении. Вторая часть фокус-групп была проведена с бездетными девушками и с молодыми парами. Их просили высказать свое мнение о том, стоит или не стоит заводить семью во время получения профессионального образования и почему, какие стимулы и препятствия они видят. Наконец, еще две фокус-группы проводились с кураторами студенческих групп и работниками учебной части. Они рассказывали о своем опыте поддержки молодых родителей, о том, что делают в этом направлении их вузы и что еще они могли бы сделать. Все фокус-группы проводились в двух городах — Москве и Воронеже. Последний был выбран в качестве представителя крупных нестолических городов. Отдельно проводились группы со студентками престижных и непрестижных вузов, так как нами была выдвинута гипотеза о различиях в их поведении и мнениях. В каждой фокус-группе участвовало от 6 до 10 человек. Здесь представлен только один из рассмотренных в ходе бесед сюжетов, а именно мнения участников фокус-групп о потенциальных мерах поддержки молодых мам.

Существующие и потенциальные меры в отношении студенток с детьми рассматриваются всеми участниками фокус-групп не как стимулирующие к принятию решения о рождении, а в качестве поддержки уже сформировавшихся семей.

Подавляющее большинство беременностей в этой возрастной группе не планируется, а решение о сохранении или прерывании беременности принимается исходя из ценностных установок и отношения ближайшего окружения девушки¹:

- установки на успешное завершение образования среди студенток с маленькими детьми очень высоки. Они даже предпочитают не брать академический отпуск, если есть возможность обойтись без него. В связи с этим поддержка со стороны вузов должна быть направлена на облегчение совмещения учебы и ухода за ребенком;
- идея организации яслей при вузах находит среди молодых мам массовую поддержку. Наиболее позитивно ее реализацию респонденты оценивают применительно к крупным вузам кампусного типа;
- высокие оценки получила идея создания групп кратковременного пребывания детей, действующих на время сессии (очников и заочников);
- большую обеспокоенность вызывают проблемы организации питания для беременных и кормящих студенток; в группах неоднократно выдвигались предложения предоставления им льготных талонов на питание в столовых;
- студентки с детьми не ждут материальной помощи со стороны вузов, полагая, что это не входит в их компетенцию. Высказываемые в этом русле предложения касались только предоставления скидок или рассрочек платежей при обучении на платном отделении;
- наличие семейных общежитий при вузах респонденты расценивают как значимую помощь иногородним студенткам с детьми;
- значительно облегчить совмещение обучения и ухода за ребенком помогло бы официальное предоставление молодым мамам режима свободного посещения занятий (его не всегда удается добиться), а также приня-

¹ Огромное влияние оказывают родители девушек, многим пришлось противостоять их требованиям делать аборт.

тие правил, регламентирующих приоритетный порядок приема у них устных экзаменов.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ УЧАСТНИКОВ ФОКУС-ГРУПП

В настоящее время при рождении ребенка и молодая мама, и отец имеют право на получение академического отпуска длительностью в один год. В исключительных случаях он может быть продлен. Участники фокус-групп отмечали, что такие отпуска берут отнюдь не все. Прежде всего об этом говорили кураторы вузов: *«Не могу сказать, что прямо очень часто [берут академ]. Стараются протянуть, побыстрее защититься, получить диплом и уже эту дверь закрыть. Редко, вот честно скажу. Больше либо переходят на заочный, либо пытаются бегать за преподавателями, ну поставьте, поставьте»; «В нашем вузе достаточно редко берут академические отпуска. Стараются своими силами при помощи кураторов, всеми возможными способами доучиться. И заочное обучение это как бы... как вариант, да, если по-другому не получается, студенты так выходят из положения»; «Все стараются правдами-неправдами эту волюнку завершить»* (кураторы, Воронеж). При этом кураторы отмечают, что если студентка все-таки берет академ, то скорее всего она вернется и продолжит обучение. Случаи прерывания образования крайне редки: *«У нас больше, по-моему, уходят на заочное. А очники, если есть возможность, все-таки доучиваются. Вот на заочном берут даже академ, а потом возвращаются и заканчивают все. Ну, нет такого, чтобы с концами ушел»* (кураторы, Воронеж).

Кураторы московских вузов называют разные причины того, что студенты стараются не брать академ: *«Учебу не бросают, потому что институт престижный... Не бросают, просто переходят на заочную форму либо на вечернюю форму»; «Практически не уходят в академический отпуск, учатся параллельно. Их не так много, а если случается, то стараются не уходить, потому что возвращаться морально тяжело»; «За последний год у нас только одна девушка ушла в академический отпуск — потому что она из другого города, приезжая,*

и ей оставить ребенка было не с кем. А все москвичи, кто имеет поддержку, совмещают»; «Проблема такая, что если студент учится на дневном отделении и уходит в академический отпуск, то потом возвращается только на платное. Поэтому не уходят. Может, она бы и рада уйти, но не может. И если первый раз она ушла, то во второй раз она не может брать академ через год» (кураторы, Москва).

Перевод на заочное обучение — довольно распространенная стратегия продолжения образования молодыми мамами. Они могут переводиться как вместо академического отпуска, так и после него: *«Если проблема возникает, лучше уйти на заочку. Ну, вот эту тянуть волюнку сочетания учебы, и там семья и работа, они лучше уйдут, легким образом закончат заочку»; «На заочку переходят. И кстати, из академа на заочку возвращаются»* (кураторы, Воронеж). Хотя в некоторых вузах, наоборот, поощряется выход в академический отпуск: *«У нас предлагает деканат академический отпуск. Вот у нас декан, она говорит, лучше возьмите академический отпуск, хоть какое-то время с ребенком чтобы вы были, а потом придете»* (кураторы, Воронеж).

Сами девушки с детьми тоже высказываются об академическом отпуске как о вынужденной мере: *«Я два раза лежала на сохранении, получилось подряд два месяца, вот поэтому пришлось взять академотпуск. Вышла, в принципе, пораньше из академа, я должна была зимой выйти, а вышла, получается, в 14-м году... на полгода раньше, надо было наверстать»* (Воронеж, непрестижный вуз). Кто-то из них брал академ, кто-то справлялся без него: *«Я не уходила в академический отпуск. С ребенком сидели мои бабушка и мама. А со вторым ребенком не было таких проблем, потому что родился в самом конце. Во время беременности на учебу ездила. Когда родила второго, мне было 23»* (родившие, Москва); *«Добилась свободного посещения до следующего [курса], через полгода. Это был не академический отпуск, мне не хотелось. Это индивидуальная сдача сессии»* (родившие, Москва).

Молодые мамы, которые учатся на заочном отделении, практически не пользуются правом на академический отпуск, они предпочитают совмещать обучение и уход за ребенком:

«Беременность хорошо протекала, совмещала и учебу и работу, ну пока был животик маленький, до 7 месяцев работала, можно было отпрашиваться на работе, с учебой нормально, заочно, — сессию сдал и все» (родившие, непрестижный вуз, Воронеж). Непопулярность академического отпуска отмечают и бездетные девушки, основываясь на своих наблюдениях за сокурсницами: «У нас начинают рожать уже курсе на пятом... В академ стараются не уходить, потому что у нас не восстанавливаются на этом же курсе, а заставляют еще раз учиться» (бездетные, престижный вуз, Воронеж). Многие говорят о том, что восстановиться после него на бесплатное отделение не всегда удается: «У нас на бюджете можно академотпуск только на год взять, продлевать нельзя. Это не очень удобно, можно на три года остаться. Потом можно продлить, но ты будешь восстанавливаться на платное отделение. А платное у нас 120 тыс. стоит» (родившие, Москва¹).

Задумываясь о своих возможных действиях в случае беременности, бездетные девушки упоминали различные варианты. Одним из них был перевод на заочное: «Если бы у меня была такая ситуация, то, думаю, я бы ушла на заочку. Я думаю, что я бы смогла, потому что у меня мама, сама меня воспитывала. В смысле она, будучи студенткой, воспитывала меня и училась на заочном» (бездетные пары, Воронеж). Другим — совмещение с учебой: «Наверное, я бы взяла академический отпуск... Если честно, то я бы ходила беременная в университет, сдавала экзамены. Мама говорит, что она готова быть бабушкой» (пары, Москва).

Таким образом, для молодых мам прерывание обучения даже на год зачастую является нежелательным. Они стремятся совмещать профессиональное образование с уходом за ребенком.

Проблемы садов и яслей были в центре нашего обсуждения. Многие респонденты отмечали их нехватку, а также неудобные часы работы, трудности при устройстве ребенка в садик: «Мы старшую дочь отдали в два года в государственные

ясли на полный день. И в этом сентябре мне обещали, что второго ребенка возьмут, а когда я принесла документы, то оказалось, что мы идем только с 9 до 11–30. Младшей как раз будет 1,9 года. И ни туда ни сюда»; «Мне повезло. Садик новый. Но я постаралась. Я никому не давала денег, но я стояла в очереди, не электронной, я походила. Я поборолась, чтоб именно туда, я ее трясла, ходила раз в две недели стабильно. А некоторые, кто хотел, не попали. Надо их прессовать» (родившие, Москва).

На вопрос о том, как бы они отнеслись к появлению яслей при вузах, все молодые мамы отреагировали положительно: «Если при институтах было бы шикарно» (родившие, Москва). Однако они отметили и некоторые сопутствующие сложности: «Если бы еще пары сокращали. Я с 11 до 18 каждый день училась. Вряд ли бы ребенок сидел столько в яслях. Тут надо индивидуальное расписание еще»; «Как дополнение это было бы замечательно. Но если заболела или надо по другим делам, то надо нести в вуз, а вуз не всегда рядом находится. Если бы это было как дополнение к обычным яслям, то было бы удобно» (родившие, Москва).

Кураторы отмечали, что знакомы с западным опытом в этой сфере: «Я работала в одном американском вузе, и там у них свой садик был..., так кампус был, на территории кампуса...» (кураторы, Воронеж). Важно, что упомянутый случай относится к вузу с кампусным устройством. Действительно, реализовать данную меру легче всего там, где здания университета расположены близко друг к другу. В связи с этим московские кураторы отнеслись к идее более прохладно: «Я категорически против. У нас филиал находится в Строгино, а центральный на Остоженке. Представляете, какие концы? Если человек поедет...»; «Если она откуда-то будет ехать с годовалым ребенком — это не вариант. Она может и в Подмоскowie жить. И ехать в вуз с ребенком не вариант» (кураторы, Москва).

В другой кураторской фокус-группе тема яслей получила развитие, и было выдвинуто немало предложений о создании групп кратковременного пребывания детей. Как минимум, такая группа могла бы действовать на период сессии. В связи

¹ Группа родивших студенток из Москвы смешанная, в ней представлены и престижные и непрестижные вузы.

с тем что число молодых мам в некрупных вузах не столь велико, создавать в них постоянно действующие ясли может быть нецелесообразно. Во время сессии актуальность группы пристрастия за детьми возрастает: «Тогда действительно, особенно заочники... очень часто идут с детьми»; «Когда заочники приезжают на сессию, это бывает просто стихийное бедствие» (кураторы, Воронеж). Кураторы отмечали позитивные примеры детских комнат: «Я могу сказать по Германии. Там при университетах есть игровые комнаты... две фразы, которые смотрят за детишками, куча раскрасок с фломастерами, куча развивающих игрушек, того, сего» (кураторы, Воронеж). Помимо профессионального пристрастия за детьми во время сессии кураторами отмечалась возможность его организации студентами старших курсов педагогических специальностей за счет практики.

Помимо яслей в рамках фокус-групп были выдвинуты и другие предложения касательно помощи молодым мамам со стороны вузов. В первую группу попали предложения, касающиеся получения платного образования молодыми мамами. В первую очередь это скидки на обучение: «Я согласна со скидкой на обучение. Я платила 114 тыс. в год. Сейчас ты восстанавливаешься, на тебе висит ребенок, и ты должна еще платить» (родившие, Москва). Говорилось также и о программах рассрочки платежей. Вторая группа предложений неожиданно для нас касалась организации питания. Молодые мамы отмечали, что во время беременности они испытывали сложности с питанием: «У нас в институте извилистые коридоры, и на каждом углу палатки с сэндвичами и бутербродами. А я по беременности есть хотела, я была готова съесть всех и вся. Почему нельзя в институтской столовой, где преподавателей и красnodипломников кормят бесплатно, почему нельзя беременных кормить? Ты сидишь 6 пар за день, я после каждой пары ходила, хоть шоколадки ешь. Это же неправильно. Надо помогать мамам питаться»; «Не то чтоб я все время кушать хотела, но у нас в институте столовая очень дорогая. Там одна котлета стоит 100 рублей. А кушать хочется. Хоть бы элементарно сок с печеньем перекусить»; «Да, банально суп. Внедрять правильное питание, чтоб беременная не ела

сэндвичи» (родившие, Москва); «Талончики на питание!» (бездетные, престижный вуз, Воронеж). Кто-то отмечал, что их в столовой неофициально прикармливают бесплатно: «Мы туда приходим... пирожков перекусить, а ему начинают, будешь супчик, будешь котлетку (смеется)» (родившие, непрестижный вуз, Воронеж). Некоторые кураторы также отмечали существование данной проблемы: «Меня еще очень беспокоит вопрос питания в нашей стране. Пробыв целый день в университете на чашечке кофе и на булочке, это... (качает головой)» (кураторы, Воронеж).

Третья группа предложений со стороны участников фокус-групп касалась официального свободного посещения, которое не везде разрешено: «Свободное посещение, потому что не во всех вузах это доступно. Мне повезло, что мне навстречу шли преподаватели... Я ходила неофициально, а бывает такое, что официально свободное посещение устанавливают»; «У нас был индивидуальный график. Но если ты на бюджете, ты за этот график должна заплатить. Получалось, что ты оплачиваешь семестр. У меня в конце было 107 тыс. семестр»; «Мне тоже не разрешили свободное посещение. Там надо было либо больной быть, либо чтоб родители-инвалиды» (родившие, Москва).

На материальную помощь со стороны вуза молодые мамы не рассчитывают, и никто ее не получал: «Студентам никто не платит от вузов» (родившие, Москва). Более того, участниками разных фокус-групп неоднократно высказывалось мнение, что денежные выплаты это не забота университета: «Я знаю, что в некоторых вузах есть одноразовые льготы на свадьбу, рождение ребенка. Если у вуза есть желание этим заняться, то это и неплохо. Но я считаю, что это не его прямая обязанность»; «Вузы для того, чтоб в них учиться, а не для того, чтобы с них деньги требовать» (пары, Москва).

Наконец, последние прозвучавшие предложения касались семейных общезжитий и облегчения жилищной проблемы: «Помощь вуза заключалась бы в том, что если родился ребенок, то улучшить жилищные условия в общежитии для молодой семьи, для иногородних студентов с ребенком. Здесь вуз мог бы помочь» (пары, Москва). Многие знают о существовании

таких общежитий в некоторых вузах: *«У нас нет такого семейного общежития, у нас есть семейные этажи в общежитии. То есть там у них есть что-то типа такого закутка, где мячики, велосипедики, колясочки можно разместить — более комфортные условия. И это не имеет значения, если папа из другого вуза или вообще...»* (кураторы, Воронеж).

Таким образом, на текущий момент единых правил в отношении поддержки вузами молодых мам практически не существует. То, насколько легко им удастся совмещать обучение и уход за ребенком, зависит от конкретных преподавателей и от условий в каждом конкретном университете. Отдельно хочется отметить, что на положение студентки — молодой мамы сильнее всего влияют именно преподаватели. Распространение в университетах определенных этических правил значительно улучшило бы ситуацию. Прежде всего это касается сдачи устных экзаменов и очередей на них: *«На седьмом месяце, с большим животом, мне даже не шли на уступки, чтоб я сдала первая и поехала домой. Я сидела и ждала»* (родившие, Москва). Девушки хотят, чтобы когда *«она [беременная] приходит на экзамен, ей не то чтобы оценку зависят, а то, что ее вперед все пропустят»* (пары, Воронеж). В отдельных вузах (в наших группах это были медицинские вузы), наоборот, молодым мамам идут навстречу, т. е. *«отпускают [с занятий, если] пишут заявление, что кормящая мама, и их могут отпустить»* (пары, Воронеж).

В целом ответы в разных фокус-группах на вопрос о том, нужно ли государству поощрять рождение детей во время обучения, свелись к следующему: *«Стимулировать не надо, но и мешать не надо»* (кураторы, Воронеж). Важно понимать, что подавляющее большинство таких рождений — это следствие незапланированных беременностей. Решение о том, оставлять ребенка или нет, девушка принимает исходя из собственных ценностей, из поддержки со стороны ее партнера и родителей. Говоря о помощи со стороны вузов, следует рассматривать ее как поддержку уже состоявшихся молодых матерей, а на принятие решения о рождении она не оказывает влияния.

Заключение

Настоящая брошюра представляет собой краткий очерк по современной демографической ситуации и ее тенденциях в России. Знания о демографическом развитии имеют особую ценность в системе знаний о населении, во взаимосвязи с экономикой, социологией и другими науками [Зверева, 2012]. Прежде всего демографические расчеты позволяют достаточно точно спрогнозировать количество и долю пожилых людей в будущем, их состояние здоровья и уровень смертности. Это дает возможность государствам подготовиться к демографическому старению. Политический выбор может смягчить значительную часть нежелательных социально-экономических последствий старения, предотвратить его негативное влияние на системы социального обеспечения. Изменения возрастной структуры населения самых младших возрастов также требуют пристального внимания. Колебания численности родившихся в 1990–2000-е гг. приводят то к резкому сокращению отдельных возрастных групп (например, числа школьников в 2000-е гг.), то к их увеличению (прием в первый класс в 2014 г. увеличился на 120 тыс. человек). Это требует быстрой адаптации сети социальных учреждений и пересмотра объема оказываемых ими услуг. В ходе модернизации роль таких факторов, как численность населения и уровень рождаемости, для экономики государства

ослабевает. Все больший вес принимает качество человеческого капитала. Моделирование влияния образования на производительность труда показывает, что «если предположить, что образование влечет за собой расходы в молодом возрасте, но в трудоспособном возрасте приводит к более высокой производительности, то для большинства стран желательный долгосрочный суммарный коэффициент рождаемости оказывается гораздо более низким, чем уровень замещения» [Vobecká, Butz, Reyes, 2013]. Тем не менее обеспечение воспроизводства населения по-прежнему является важной социально-политической задачей.

В настоящий момент нельзя в полной мере оценить влияние современного этапа демографической политики на репродуктивное поведение населения России. Он успешно рекомендовал себя как способ информирования населения о демографических проблемах страны и пропаганды семейных ценностей. Материнский капитал — его флагманская мера, лояльность к нему со стороны населения очень велика, даже несмотря на трудности реализации сертификатов. Эта роль накладывает определенные ограничения на любые преобразования программы.

Колебания показателей рождаемости текущего периода носят временный характер. Диапазон же прогнозируемого итогового числа детей весьма невелик, с достаточной уверенностью его можно оценить в пределах от 1,6 до 1,8 ребенка соответственно для поколений женщин 1970 — конца 1980-х годов рождения. Сокращение интервала между первыми и вторыми рождениями, скорее всего, действительно произошло. Любые стимулирующие меры приводят к тому, что дети рождаются, прежде всего, в семьях, которые и так их хотели (раньше или позже). Однако отсылки к аналогичному влиянию политики 1980-х не вполне корректны. Во-первых, возраст матери при первом рождении тогда был значительно ниже. Отдельные страны в ответ на постарение материнства вводят «премиальные за скорость», стимулирующие более скорое появление на свет вторых детей. Рождение запланированного ребенка «сейчас» лучше, чем продолжение его откладывания (часть отложенных рождений не будет реализована). Во-вторых, пред-

ставления о желаемом числе детей у значительной части населения не вполне определены. Нередко они меняются, при этом родившие ребенка (первого или второго) чаще пересматривают их в сторону увеличения, чем остальные. В-третьих, за тот факт, что повышения итоговых показателей детности под влиянием политики середины 1980-х не произошло, ответственна не только и не столько она сама, сколько дальнейшие социальные события. Именно резкое обесценение всех мер семейной поддержки привело к тому, что семьи, родившие второго ребенка, не успели решиться на третьего, а семьи с одним ребенком надолго оставили намерения родить второго.

Под влиянием социально-экономических и демографических изменений 1990-х гг. жизненные пути россиян стали значительно разнообразнее. Произошли изменения в последовательности демографических и других событий, времени и темпе их наступления, удлинился период обретения личностью социальной зрелости. Ключевым изменением стало повышение возраста женщин при рождении первенца. Каждая семья, как и отдельный человек, проходит разные стадии развития (формирование, рождение и воспитание детей, «пустое гнездо», затухание). Увеличение продолжительности жизни мужчин и женщин сокращает вес воспроизводственной стадии семьи и увеличивает продолжительность состояния «пустого гнезда» (супруги или один родитель проживают уже без детей) [Калабихина, 2009]. Традиционная поддержка старшим поколением в воспитании внуков постепенно сокращается, что снова связано с демографическими причинами. Во-первых, ждать внуков приходится гораздо дольше. И в этот период важно обеспечить опустевшим родительским семьям доступ на рынок труда. Во-вторых, сдвиг границ продолжительности здоровой жизни пока происходит медленнее постарения материнства. Обратная сторона последнего проявляется в том, что женщины, откладывающие деторождение, сталкиваются с тем, что материальные и нематериальные ресурсы их родителей (и родителей партнера или супруга) иссякают раньше, чем вырастают их дети. «Период сэндвича» (параллельной заботы и о постаревших родителях, и о маленьких детях) в жизни женщины проходит жестче.

Это означает, что спрос на формальные услуги будет усиливаться, причем как на «детские» институты, так и на развитие служб помощи пожилым.

По мере экономического развития общества дефицит материальных ресурсов семей уступает место дефициту времени. Нынешний этап еще более усиливает запрос на соответствующие меры, ведь в условиях сокращающихся трудовых ресурсов возрастают стимулы вовлечения на рынок труда женщин с маленькими детьми. Развитыми странами накоплен большой опыт в части внедрения и развития мер семейной политики совмещения занятости и родительских обязанностей. Однако учет этого опыта возможен лишь отчасти. Институциональный контекст конкретного государства во многом определяет эффективность той или иной меры, и сам он выступает значимым фактором демографического поведения населения. Например, такой эффективный инструмент семейной политики западных стран, как поворот общества к более полному участию мужчин в уходе за детьми, в России пока не получил развития. Более того, нынешнее ужесточение со стороны российского общества требований к маскулинности может закрепить гендерное неравенство на уровне семьи, что в свою очередь создает риски отказа женщин от рождения вторых и последующих детей. Гармонизация материнства и занятости в настоящий момент как никогда востребована и на уровне семьи, и на уровне государства. Она несет в себе и демографические, и экономические преимущества.

Настоящая брошюра касается лишь некоторых аспектов современного демографического развития, в частности, остались за кадром вопросы пространственного расселения и неравенства. Российская Федерация чрезвычайно неоднородна по своему демографическому развитию. В то время как одни регионы ушли далеко вперед по пути трансформации демографического поведения населения, другие только вступают на него. Рост рождаемости последних лет также не был однороден по регионам и типам населенных пунктов. Анализ региональной составляющей демографической повестки России — предмет наших дальнейших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Андреев Е. М.* Human fertility database documentation: Russia, 2012.
2. *Архангельский В. Н. и др.* Демографическое поведение и его детерминация (по результатам социолого-демографического исследования в Новгородской области). М.: ТЕИС, 2005.
3. *Бурдяк А. Я. и др.* Новые меры семейной политики и их влияние на материально-имущественное положение семей с детьми // Семья в центре социально-демократической политики? М.: Независимый институт социальной политики, 2009.
4. *Денисов Б., Сакевич В.* Аборты в постсоветской России: есть ли основания для оптимизма? // НИУ ВШЭ. 2014.
5. *Елизаров В. В.* Стимулирование рождаемости и поддержка семей с детьми в современной России // Рождаемость и планирование семьи в России: история и перспективы. М., 2011.
6. *Елизаров В. В.* Демографическая политика в области поддержки семей с детьми: новые меры и предложения по их развитию // Демографическая и семейная политика. М.: МАКС Пресс, 2008.
7. *Захаров С. В.* Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х годах // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. № 5.
8. *Зверева Н. В.* Демография современной России: преемственность развития или «догоняющая модернизация»? // Федерализм. 2012. № 1 (65).

9. *Калабихина И.Е.* Пути повышения эффективности современной демографической политики в России // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 9.
10. *Калабихина И.Е.* О региональном материнском (семейном) капитале // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2013. № 2.
11. *Малева Т.М., Синявская О.В.* Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // РидМиЖ. 2006. № 1.
12. *Малева Т.М., Тындик А.О.* Потенциал роста рождаемости в России: уроки мегаполиса // Журнал НЭА. 2013. № 1 (17).
13. *Малева Т.М., Тындик А.О.* Ловушка низкой рождаемости в Москве: высокообразованные бездетные? // Регион: экономика и социология. 2014. Т. 2.
14. *Мануильская К.М., Rogozin Д.М.* Методическая (не) состоятельность табличных вопросов // Мониторинг общественного мнения. 2013. Т. 4.
15. *Овчарова Л., Пишняк А., Попова Д.* Новые меры поддержки материнства и детства: рост уровня жизни семей с детьми или рост рождаемости. М.: ЮНИСЭФ НИСП, 2007.
16. *Синявская О.В., Тындик А.О.* Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // РидМиЖ. 2009. № 2.
17. *Соботка Т., Лутц В.* Коэффициент суммарной рождаемости дает политикам дезориентирующие сигналы: не следует ли отказаться от использования этого показателя? // Экономический журнал ВШЭ. 2011. Т. 15. № 4.
18. *Тындик А.О.* Обзор современных мер семейной политики в странах с низкой рождаемостью // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2010.
19. *Фрейка Т., Захаров С.* Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. НИУ ВШЭ. 2014. № 1(1).
20. *Население России 2012. Двадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский.* М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
21. *Aassve A., Meroni E., Pronzato C.* Grandparenting and Childbearing in the Extended Family: Le rôle des grands-parents et la constitution de la descendance dans les familles élargies // Eur. J. Popul. Rev. Eur. Démographie. 2012. Т. 28. No. 4.
22. *Ajzen I., Fishbein M.* Understanding attitudes and predicting social // Behav. Englewood Cliffs NJ Prentice-Hall. 1980.
23. *Andersson G., Duvander A.—Z., Hank K.* Do child-care characteristics influence continued childbearing in Sweden? An investigation of the quantity, quality, and price dimension // J. Eur. Soc. Policy. 2004. Т. 14. No. 4.
24. *Arnett J.J.* Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // Am. Psychol. 2000. Т. 55. No. 5.
25. *Baizán P.* Regional child care availability and fertility decisions in Spain // DemoSoc working papers. 2009. No. 31.
26. *Ballweg J.A., Klemmack D.L.* Dimensions and crystallization of family-size norms // Sociol. Spectr. 1984. Т. 4. No. 1.
27. *Becker G.S.* An economic analysis of fertility // Demographic and economic change in developed countries.: Columbia University Press, 1960.
28. *Blau D.M., Robins P.K.* Fertility, employment, and child-care costs // Demography. 1989. Т. 26. No. 2.
29. *Boca D. Del.* The effect of child care and part time opportunities on participation and fertility decisions in Italy // J. Popul. Econ. 2002. Т. 15. No. 3.
30. *Bühler C., Philipov D.* Social capital related to fertility: theoretical foundations and empirical evidence from Bulgaria // Vienna Yearb. Popul. Res. 2005.
31. *Freedman R., Baumert G., Bolte M.* Expected family size and family size values in West Germany // Popul. Stud. 1959. Т. 13. No. 2.
32. *García-Morán E., Kuehn Z.* With Strings Attached: Grandparent-provided child care, fertility, and female labour market outcomes, 2012.
33. *Goldstein J., Lutz W., Testa M.R.* The emergence of sub-replacement family size ideals in Europe // Popul. Res. Policy Rev. 2003. Т. 22. No. 5–6.

34. *Gustafsson S., Kenjoh E., Wetzels C.* The role of education in postponement of maternity in Britain, Germany, the Netherlands and Sweden // *Gend. Dimens. Soc. Change Contrib. Dyn. Res. Study Womens Life Courses Policy Press Bristol.* 2002.
35. *Hank K., Kreyenfeld M.* A multilevel analysis of child care and women's fertility decisions in Western Germany // *J. Marriage Fam.* 2003. T. 65. No. 3.
36. *Heiland F., Prskawetz A., Sanderson W.C.* Are individuals' desired family sizes stable? Evidence from West German panel data // *Eur. J. Popul. Eur. Démographie.* 2008. T. 24. No. 2.
37. *Jacob M., Weiss F.* From higher education to work patterns of labor market entry in Germany and the US // *High. Educ.* 2010. T. 60. No. 5.
38. *Kaptijn R. et al.* How Grandparents Matter: Support for the Cooperative Breeding Hypothesis in a Contemporary Dutch Population // *Hum. Nat.* 2010. T. 21. No. 4.
39. *Knudsen K., Wærness K.* National context, individual characteristics and attitudes on mothers' employment: A comparative analysis of Great Britain, Sweden and Norway // *Acta Sociol.* 2001. T. 44. No. 1.
40. *Kraval Ø.* How the local supply of day-care centers influences fertility in Norway: A parity-specific approach // *Popul. Res. Policy Rev.* 1996. T. 15. No. 3.
41. *Kuchner J.F.* *Motherhood Postponed: The Impact on Family and Society,* 1993.
42. *Lee R., Mason A.* Some macroeconomic aspects of global population aging // *Demography.* 2010. T. 47. No. 1.
43. *Lesthaeghe R.* The second demographic transition in Western countries: An interpretation // *Gend. Fam. Change Ind. Ctries.* 1995.
44. *Lesthaeghe R.* The unfolding story of the second demographic transition // *Popul. Dev. Rev.* 2010. T. 36. No. 2.
45. *Lewis J.E.* *Gender, social care, and welfare state restructuring in Europe.* Ashgate Pub Ltd, 1998.
46. *Lundin D., Mörk E., Öckert B.* How far can reduced childcare prices push female labour supply? // *Labour Econ.* 2008. T. 15. No. 4.
47. *Lutz W., Skirbekk V.* Policies Addressing the Tempo Effect in Low-Fertility Countries // *Popul. Dev. Rev.* 2005. T. 31. No. 4.
48. *McClelland G.H.* Family-size desires as measures of demand // *Determinants Fertil. Dev. Ctries. Summ. Knowl.* 1983. No. 15.
49. *Mörk E., Sjögren A., Svaleryd H.* Childcare costs and the demand for children — evidence from a nationwide reform // *J. Popul. Econ.* 2013. T. 26. No. 1.
50. *Nagarajan R., Teixeira A.A., Silva S.* The impact of an ageing population on economic growth: an exploratory review of the main mechanisms. Universidade do Porto, Faculdade de Economia do Porto, 2013.
51. *Neely W.C.* Family Attitudes of Denominational College and University Students, 1929 and 1936 // *Am. Sociol. Rev.* 1940. T. 5. No. 4.
52. *Potter R.G.* A Critique of the Glass-Grebenik Model for Indirectly Estimating Desired Family Size // *Popul. Stud.* 1956. T. 9. No. 3.
53. *Rindfuss R.R. et al.* Child care availability and first-birth timing in Norway // *Demography.* 2007. T. 44. No. 2.
54. *Rindfuss R.R., Brewster K.L.* *Childrearing and Fertility* // *Popul. Dev. Rev.* 1996. T. 22.
55. *Rindfuss R.R., Bumpass L.L.* How old is too old? Age and the sociology of fertility // *Fam. Plann. Perspect.* 1976.
56. *Rindfuss R.R., Morgan S.P., Swicegood G.* *First births in America: Changes in the timing of parenthood.* Univ of California Press, 1988.
57. *Rønsen M.* Fertility and public policies—Evidence from Norway and Finland // *Demogr. Res.* 2004. T. 10. No. 6.
58. *Ryder N.B., Westoff C.F.* Relationships among intended expected desired and ideal family size: United States 1965 // *Popul. Res.* 1969.
59. *Sanderson W.C., Lutz W., Scherbov S.* *The end of world population growth in the 21st century: New challenges for human capital formation and sustainable development.* Routledge, 2013.
60. *Chlosser A.* Public preschool and the labor supply of Arab mothers: Evidence from a natural experiment // *Manuscr. Hebr. Univ. Jerus.* 2005.

61. *Schoen R. et al.* Why Do Americans Want Children?//Popul. Dev. Rev. 1997. Т. 23. No. 2.
62. *Sobotka T., Toulemon L.* Overview Chapter 4: Changing family and partnership behaviour: Common trends and persistent diversity across Europe // Demogr. Res. 2008. Т. 19. No. 6.
63. *Thomese F., Liefbroer A. C.* Child Care and Child Births: The Role of Grandparents in the Netherlands: Grandparental Child Care and Child Births. Special Collection 7: Childbearing Trends and Policies in Europe // J. Marriage Fam. 2013. Т. 75. No. 2.
64. *Tyndik A., Biryukova S.* Who prefers zero? Attitudes toward childlessness in Russia and in its capital city. Extended abstract for EPC-2014, Family ideals and preferences session, 2014.
65. *Uhlenberg P.* Demography Is Not Destiny: The Challenges and Opportunities of Global Population Aging//Generations. 2013. Т. 37. No. 1.
66. *Vobecká J., Butz W.P., Reyes G. C.* Тенденции народонаселения и ответные меры в области политики в регионе. Rochester, NY: Social Science Research Network, 2013.
67. *Waynforth D.* Grandparental investment and reproductive decisions in the longitudinal 1970 British cohort study// Proc. R. Soc. B Biol. Sci. 2012. Т. 279. No. 1731.
68. *Westoff C.F., Mishler E.G., Kelly E.L.* Preferences in size of family and eventual fertility twenty years after // Am. J. Sociol. 1957.
69. *Confronting Demographic Change: A New Solidarity between the Generations*//European Commission Brussels. 2005.

Научная литература

Серия: «Научные доклады: социальная политика»

Заказное издание

Алла Олеговна Тындик

**Демографическая повестка
современной России:
структура и воспроизводство населения**

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*
Редактор и корректор *Г. А. Лакеева*
Художник *Е. В. Трушина*
Оригинал-макет *О. З. Элоева*
Верстка *Е. В. Немешаевой*

Подписано в печать --- --- Формат 60x90/16

Гарнитура ПТ Сериф. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж --- экз.

Заказ № ---

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий отдел – тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
delo@gane.ru
www.ganepa.ru

Отпечатано в типографии РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82